

САМАНТА КРИСТИ

18+

ЧЕРНЫЕ РОЗЫ

ЛЮБОВЬ СПОСОБНА СЖЕЧЬ ДОТЛА
ВСЕ УЖАСЫ ПРОШЛОГО

ПОРОЧНЫЕ ЦВЕТЫ. ИСТОРИЯ ПАЙПЕР. III

Саманта Кристи
Черные розы
Серия «Порочные
цветы Саманты Кристи»
Серия «Сестры Митчелл», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69626389
Черные розы: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-192031-9

Аннотация

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТРИЛОГИИ О СЕСТРАХ
МИТЧЕЛЛ.**

Любовь способна сжечь дотла все ужасы прошлого.

Пайпер Митчелл приходится вернуться в родной Нью-Йорк на свадьбу старшей сестры. Она надеялась, что эта поездка будет быстрой, но ей приходится задержаться.

На каждом углу Пайпер встречает тени прошлого. Они преследуют ее и пробуждают болезненные воспоминания о событиях, которые сломали ее жизнь шесть лет назад. Девушка хочет скорее сбежать из города, но все планы сразу же рушатся из-за парня, которого она встречает в аэропорту.

Звезда футбола. Очаровательный отец-одиночка. Кажется, Пайпер придется нарушить свое единственное правило – больше никогда никого не любить.

«Каждый день дарит нам новое начало, Пайпер. Когда солнце садится, оно забирает с собой все плохое, чтобы завтра можно было начать с чистого листа».

Содержание

Глава 1. Пайпер	8
Глава 2. Мейсон	17
Глава 3. Пайпер	28
Глава 4. Мейсон	47
Глава 5. Пайпер	60
Глава 6. Мейсон	77
Глава 7. Пайпер	87
Глава 8. Мейсон	103
Глава 9. Пайпер	117
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Саманта Кристи

Черные розы

Маме и папе.

*Какой бы взрослой я ни стала, вы все равно
будете мне нужны.*

Спасибо за то, что были моими родителями.

Samantha Christy

BLACK ROSES

Copyright © 2016 by Samantha Christy

© Гусева А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1. Пайпер

Я крепко зажимаюсь. Потом делаю погромче музыку, которая и так уже ревет у меня в наушниках, в надежде, что она заглушит звук двигателей самолета, мчащего меня в единственное место, где я совсем не хочу оказаться.

Домой.

Интересно, я все еще могу называть это место домом? Было ли оно вообще когда-либо моим домом? Если верить «Гуглу», дом – это *место постоянного проживания, а также семья, люди, живущие вместе.*

Согласно этому определению, я бездомная. Бродяга. Цыганка.

И меня это совершенно устраивает.

Зачем я только дала Скайлар то дурацкое обещание в прошлом году? Я пообещала вернуться – и даже спланировать ее свадьбу! О чем я вообще думала?

Я перечитываю свою переписку с Чарли, которую мы вели, пока я ждала пересадки в Лондоне.

Чарли: У тебя все в порядке?

Я улыбаюсь – еще и трех часов не прошло с тех пор, как мы с ней расстались в аэропорту Барселоны. Мы вместе при-

летели туда из Стамбула. Чарли собиралась затусить у парня, с которым мы познакомились несколько месяцев назад. Я умоляла ее поехать со мной, хотя и знала, что она не согласится.

Чарли ненавидит дом еще сильнее, чем я.

Я: Ага. Жаль, что ты не поехала со мной.

Чарли: Ты же знаешь, что я не могу туда вернуться.

Я: Да. Но все равно жаль.

Чарли: Мысленно я с тобой! Мы будем созваниваться каждый день – каждый час, если будет нужно.

Я: Мне пора. Объявили посадку на мой рейс. Люблю тебя.

Чарли: Я тоже тебя люблю. Ты справишься, Пайпер. Я в этом уверена. Полтора месяца пролетят очень быстро.

Полтора месяца. Слова скачут у меня в голове, как бильярдные шары. Да, я не в первый раз возвращаюсь домой. Но раньше я возвращалась всего на пару дней – и это было терпимо в основном за счет большого количества алкоголя, от чего я обычно стараюсь воздерживаться. В последний раз я решила пересечь Атлантический океан, чтобы приехать на свадьбу Бэйлор. Но провести дома целых полтора месяца?! Вдали от Чарли. Вдали от привычной жизни. Вдали от самой возможности...

Кто-то трогает меня за плечо, и я вздрагиваю от неожиданности. Я поднимаю взгляд – стюардесса протягивает мне мой напиток. Я делаю музыку потише, чтобы услышать, что она говорит.

– Не желаете ли еще крендельки? – спрашивает у меня брюнетка с точеной фигурой и приклеенной улыбкой и протягивает мне крошечную бутылочку виски и колу со льдом в пластиковом стаканчике.

Не отвечая на ее вопрос, я пристально смотрю на стаканчик, который она ставит передо мной на столик. Я неуклюже протягиваю к нему руку и опрокидываю, осознавая, что на моих новых белых кедах, скорее всего, останутся пятна.

– О господи! Простите, пожалуйста.

Я наклоняюсь и поднимаю стаканчик, а стюардесса достает из фартука полотенце. Вид у нее слегка раздраженный, но с лица не сходит фальшивая улыбка.

– Ничего страшного. – Она вытирает столик. – Такое часто случается. Я принесу вам другой стакан.

– Может, лучше принесете мне банку? – пожимаю плечами я и смущенно улыбаюсь. – Так меньше вероятность пролить.

– Да, конечно.

Она протягивает моим соседям пару бутылок с водой.

Через несколько минут стюардесса возвращается с банкой колы и стаканчиком со льдом и осторожно ставит их на мой столик. Она приподнимает одну бровь, словно говоря:

«В этот раз будь, пожалуйста, поаккуратнее, ладно?»

– Спасибо.

Банка открывается с мягким шипением, и я с облегчением выдыхаю. Потом открываю бутылочку с виски и смешиваю его с колой в стаканчике со льдом. Я помахиваю пустой бутылочкой из-под виски перед стюардессой, которая еще не успела далеко уйти:

– Принесите мне еще, пожалуйста, когда будет возможность.

Стюардесса кивает и уходит. Я снова включаю музыку на полную громкость и жду, когда алкоголь успокоит мои нервы.

Четыре часа и три коктейля спустя самолет совершает посадку в аэропорту им. Джона Ф. Кеннеди. Виски притупил мое волнение и придал храбрости. Я собрала вещи и плетусь в здание аэропорта с толпой других путешественников – людей, счастливых оттого, что они возвращаются домой или едут в отпуск; людей, которых я совершенно не знаю. Их лица мне незнакомы, но вдруг я их все же знаю? Или они знают меня?

Я встречаюсь глазами с каким-то мужчиной. Он окидывает меня с ног до головы оценивающим взглядом, от которого в горле у меня появляется привкус желчи. Я ускоряю шаг, нагло обгоняя множество других людей, спешащих на таможенный контроль. Потом оглядываюсь через плечо и вижу,

что тот мужчина уже перевел свое внимание на следующее смазливое личико – и с облегчением выдыхаю. Может, я все же недостаточно выпила?

В ожидании багажа я внимательно рассматриваю собравшуюся у выхода толпу. Женщины запрыгивают мужчинам в объятия. Детей хватают на руки и покрывают поцелуями. Бизнесмены спешат к пункту аренды автомобилей или к встречающим их водителям лимузинов с табличками.

Но я нигде не вижу своей старшей сестры.

Я быстро набираю ей эсэмэс, сообщая, что уже прилетела и жду багаж. Бэйлор, наверное, опаздывает – как всегда.

Получив наконец свой чемодан, я прислоняюсь к колонне, вытягиваю ноги и жду, когда за мной приедет сестра. Еще несколько человек делают то же самое, большинство из них достают телефоны и не обращают никакого внимания на происходящее вокруг. Но только не я. Я люблю наблюдать за людьми. Мне нравится знать, что происходит вокруг.

Когда я смотрю на некоторых проходящих мимо мужчин, у меня внутри все сжимается. Они пялятся на красивых женщин, раздевая их взглядом. Похотливо разглядывают их груди и задницы. Иногда даже следуют за ними, чтобы завязать интрижку или пригласить на свидание. Каждый раз, когда кто-нибудь из них смотрит в мою сторону, я смотрю на него особым взглядом. Взглядом, который говорит: «*Отвали*». Взглядом, который я за многие годы довела до совершенства.

Я смотрю на часы и снова пишу Бэйлор эсэмэс, размышляя, не взять ли мне такси и не поехать ли к родителям на Лонг-Айленд. Бэйлор пригласила меня пожить у нее в Мейпл-Крик – в том самом доме, в котором мы выросли. Моя вторая старшая сестра – Скайлар – предложила мне комнату в таунхаусе, где они живут вместе с Гриффином. Но у обеих моих сестер сейчас грудные дети. А дети не очень вписываются в мое представление о приятном отпуске. Правда, я и не ожидаю, что у меня тут будет приятный отпуск. Скорее, это будут полтора месяца пыток.

Боже, как жаль, что Чарли сейчас здесь нет! Чарли меня понимает. Думаю, она единственная, кто на это способен.

Я оглядываю зал прилета и замечаю парня, который тоже наблюдает за людьми, как и я. Он непринужденно прислонился к стене, опершись на нее одной ногой. На нем бейсболка, скрывающая – я полагаю – светлые волосы, но не скрывающая его красивое лицо. Он очень высокий, мне приходится задирать голову, чтобы на него посмотреть. Точеные черты его лица слегка грубоваты, а широкая грудь под скрещенными мускулистыми руками – просто воплощение силы и власти. Короткая борода у него на лице такая светлая, что она заметна, только если внимательно присмотреться.

И почему это я присматриваюсь к нему так внимательно?

В отличие от большинства других мужчин он не пялится на женщин. Он просто рассматривает каждого человека, ко-

торый попадает в поле его зрения, словно пытаюсь разгадать их историю – зачем они здесь и куда они едут?

Мимо него проходит девушка с внешностью супермодели. Я напряженно наблюдаю за тем, как они ненадолго встречаются взглядами. Он едва заметно кивает ей, а затем переводит внимание на следующего путешественника. От меня не ускользает то, как супермодель оборачивается и с тоской смотрит на наблюдающего за людьми незнакомца. Я хихикаю про себя. Готова поспорить, что эта девушка привыкла получать гораздо больше внимания.

Через секунду мужчина отрывается от стены и мчится к плачущему ребенку. Из истерических воплей мальчика я понимаю, что он потерялся. Незнакомец встает рядом с ним на колени, и через несколько секунд мальчик успокаивается – даже улыбается! Вскоре к ним подбегает какая-то женщина и хватает мальчика на руки. Кажется, она благодарит мужчину, а мальчик что-то шепчет ей на ухо. Женщина достает что-то из сумочки, и мужчина на этом пишет. Потом передает мальчику и... не знаю уж почему, но мальчик ужасно рад, что его мама заполучила номер телефона этого чувака. Мальчик и незнакомец дают друг другу «пять», и мальчик с мамой уходят.

И тут происходит нечто необычайное.

Он смотрит на меня. Он смотрит на меня, и у меня подкашиваются ноги. Они меня почти не держат. Мое сердце гулко стучит, а дыхание перехватывает. Меня бросает в жар, а

волоски на руках встают дыбом. Боже милостивый! Почему я испытываю такую реакцию по отношению к совершенно незнакомому человеку? Почему я вообще испытываю такую реакцию?! За все мои двадцать один – уже почти двадцать два года – такого еще ни разу не случилось. Я сажусь на ближайшую скамейку и задумываюсь, не подхватила ли я в самолете какой-нибудь вирус.

Он ведь вполне может быть кровожадным убийцей. Кровожадным убийцей, который ошивается в аэропортах и раздает свой номер телефона одиноким матерям перепуганных маленьких мальчиков. Может, он поджидающий детишек педофил – поэтому и не обращает никакого внимания на женщин.

Но по какой-то необъяснимой причине я не могу отвести от него глаз. Он не смотрит на мою грудь. Он ни на секунду не отводит глаз от моего лица. Он наклоняет голову, словно пытается разгадать *мою* историю – точно так же, как пытался разгадать истории других пассажиров. Потом его лицо медленно расплывается в самодовольной улыбке.

Я отвожу глаза и отправляю Бэйлор еще одно эсэмэс – на этот раз заглавными буквами! – спрашивая, куда она, черт побери, запропастилась. На меня наконец подействовало напряжение от полета и токсины от выпитого алкоголя. У меня болит голова. Я поднимаю руку и распускаю собранные в хвостик волосы. Потом потираю виски и разминаю шею. И тут я слышу его голос. Голос, который проникает мне под ко-

жу, словно нож, плавно разрезающий масло. Голос, который вопреки моему желанию проникает в самое мое существо.

– Ты Пайпер, да?

Несмотря на мягкий, но в то же время хрипловатый сексуальный голос, у меня начинается паника. *О боже! Кто он такой?* Откуда он меня знает и что ему от меня надо?

Я не могу произнести ни слова. Я пытаюсь собрать мысли и вещи в кучку и раздумываю, не пуститься ли мне в бегство. Но с багажом мне вряд ли это удастся. Он, наверное, думает, что я сошла с ума.

Он ненадолго снимает бейсболку, проводит рукой по волосам, потом снова ее надевает.

– Меня попросили тебя встретить.

Глава 2. Мейсон

Она прекрасна. Это у них семейное, разумеется, и она просто копия Бэйлор, за исключением ее глубоких зеленых глаз. Они цвета стебельков травы, блестящих на солнце после дождя. Но Пайпер обладает необычной красотой, которой нет у ее сестер. Может, это из-за того, что она много путешествует. А может, из-за ее необычных волос. Обычно я не обращаю особого внимания на женщин. Точнее, никогда не обращаю. Но как только я ее узнал – в тот момент, когда она распустила волосы и они упали ей на плечи, – мое чертовое сердце остановилось. Кончики ее волос медового цвета выглядят так, словно их обмакнули в черные чернила, обрамляют ее лицо в форме сердца – место которому на обложке модного журнала. Ее волнистые волосы спускаются чуть ниже ключиц, кажется, сзади они чуть длиннее, чем спереди. Прежде чем подойти к ней, мне пришлось сделать шаг назад. Взять себя в руки. Сделать глубокий вдох. Прямо как на поле, перед вводом мяча в игру.

– Меня встретить?

Пайпер побледнела и выглядит испуганной. Она смотрит на меня так, словно я смерть с косой. Она оценивающе смотрит на меня своими выразительными глазами, и я почти вижу, как у нее в голове роятся вопросы. Она плотно прижимает к себе сумочку и смотрит мне за спину.

– Откуда я знаю, что тебя попросили меня встретить? А может, ты психопат и убийца?

По реакции Пайпер я заключаю, что Бэйлор ее не предупредила. Я протягиваю ей руку для пожатия:

– Я Мейсон, друг Гриффина. Бэйлор попросила меня тебя встретить.

Она смотрит на мою руку так, словно может об нее обжечься. Тут у нее пищит телефон, она читает сообщение и закатывает глаза. Кажется, Бэйлор только что прислала ей эсэмэс.

– Шафер, значит? – чуть более сговорчиво спрашивает Пайпер и наконец пожимает мне руку.

Ладонка у нее мягкая и слегка влажная. Она нервничает. Интересно, это из-за меня или из-за полета? Я не могу не отметить, как хорошо ее рука ложится в мою. На долю секунды я задумываюсь, чувствует ли она мозоли у меня на ладонях, – и тут же напоминаю себе, что мне это не важно.

– А ты подружка невесты. Кажется, это означает, что я поведу тебя к алтарю, – шучу я.

– И что с того?

Она отдергивает руку – и мне тут же начинает не хватать ее прикосновения.

Есть еще только один человек, от прикосновений которого я испытываю нечто подобное. Я прогоняю от себя эту мысль и тянусь за ее чемоданом.

– Давай помогу.

Пайпер встает и опережает меня, хватаясь за ручку тонкими изящными пальцами:

– Мне не нужна твоя помощь.

И уходит, таща за собой огромный чемодан.

Я догоняю ее, чувствуя себя полным неудачником. Мы, наверное, классно выглядим. Миниатюрное создание тащит за собой тяжеленный чемодан, а ее спутник – на две головы выше и на пятьдесят килограммов тяжелее, чем она, – идет рядом с пустыми руками.

– Ла-а-адно. Тогда как насчет выпить? – Я указываю на спортивный бар, притаившийся в углу зала прилета.

Пайпер останавливается и с ужасом смотрит на меня:

– Выпить?! Я тебя совсем не знаю. С чего бы я захотела с тобой выпить?

Я поднимаю руки в знак капитуляции:

– Я просто подумал, что ты, возможно, хочешь немного расслабиться после долгого перелета. К тому же ты собираешься сесть ко мне в машину. По сравнению с этим выпивка кажется довольно безобидной, разве нет?

– У меня вообще-то нет выбора, с кем мне ехать, не правда ли? Но пить с тобой я все равно не стану. Я уже достаточно *расслабилась* в самолете.

Она поворачивается ко мне спиной, и я слежу взглядом за движениями ее облегающих джинсов.

– Понятно. Ты не только стерва, но еще и алкоголичка, – бормочу я себе под нос.

Пайпер поворачивается ко мне. Кажется, я недооценил ее слух. Я почти готов к тому, что сейчас она кинет в меня сумочкой или по крайней мере даст мне пощечину.

— Да, все верно, — неожиданно произносит она. — И именно поэтому тебе лучше держаться от меня подальше. Так... Мейсон, да? Где ты припарковался?

В полном молчании мы идем к моей машине. Все это время я мысленно жалею себя за то, что оказался единственным человеком, которому больше нечем было заняться в пятницу днем, кроме как встречать в аэропорту мисс Стерву.

Не то чтобы мне не нравилось, как я провожу межсезонье. Я мог бы сниматься в рекламе, как многие мои партнеры по команде. Хотя я всего лишь запасной квотербек, у меня было несколько предложений. Но это не для меня. Мне нравится моя тихая жизнь. Не публичная жизнь. Простая жизнь.

Я смотрю на Пайпер. Почему мне кажется, что эта женщина может быть какой угодно, но не простой?

Наконец мы подходим к машине, я открываю багажник и делаю шаг назад, с изумлением наблюдая, как Пайпер загружает в него тяжелый чемодан. Я бы предложил ей помощь, но боюсь, что тогда она откусит мне голову.

Пайпер ничего не говорит про мою машину. Хотя она классная. Очень классная. Это единственная экстравагантная покупка, которую я сделал с тех пор, как стал профессиональным спортсменом. И хотя я купил эту машину просто потому, что она мне нравится — а не для привлечения вни-

мания девушек, – на женщин она обычно производит сильное впечатление.

Я направляюсь к пассажирской дверце, чтобы открыть ее для Пайпер, но она опережает меня и залезает внутрь. Я закатываю глаза, но оставляю свое мнение при себе. Я сажусь за руль, выезжаю с парковочного места и направляюсь к выезду. Боковым зрением я вижу, что Пайпер заламывает пальцы и крутит плечами. Я замечаю, что она постукивает ногой по коврику. Должно быть, она нервничает, ведь ее так долго не было дома. Я пытаюсь снять напряжение.

– У твоих родителей три прекрасных ресторана. Почему ты не захотела заниматься этим бизнесом? – Я вопросительно приподнимаю бровь и на секунду отрываю глаза от дороги, чтобы посмотреть на нее.

Взгляд Пайпер прикован к чему-то ужасно интересному за окном.

– Бэйлор тоже не захотела, – сухо отвечает она.

– Твоя правда. Но путешествовать с рюкзаком по миру?

Пайпер откидывает голову на подголовник, выгибая шею. Ее волосы падают назад, открывая лицо, и мое внимание привлекает маленькая блеска на ее левой ноздре. Это пирсинг. Крошечный бриллиантик. Такой маленький, что его почти не видно.

– Я не путешествую с рюкзаком, – возражает она. – Я путешествую с чемоданом. Чертовски тяжелым, кстати.

– Я предлагал помочь тебе его нести, Пайпер, – качаю го-

ловой я. — Ты всегда такая упрямая?

Я вспоминаю разговоры Гриффина и Гэвина про упрямство, которым отличаются все сестры Митчелл. Пайпер не отвечает, и я задаю другой вопрос:

— Ты не ответила. Зачем ты *путешествуешь*? И почему никогда не приезжаешь домой? Я точно знаю, что твои сестры по тебе скучают. Они все время про тебя говорят.

Пайпер открывает глаза и пристально смотрит на меня:

— А ты что, книжку про меня пишешь, что ли?

Я тру пальцами переносицу. Кажется, эта поездка будет долгой.

— Ладно. Тогда, может, ты хочешь что-нибудь узнать обо мне?

— Да не особо, — отвечает Пайпер и снова начинает смотреть в окно.

Может, сестры ей про меня не рассказывали. Может, она не интересуется американским футболом после того, как почти четыре года прожила за границей. Или, может, она знает, кто я такой, но ей просто все равно.

— А почему твой парень с тобой не приехал? — спрашиваю я.

Пайпер резко оборачивается, а ее лицо искажается, словно я спросил, почему луна зеленая.

— У меня нет парня. Почему ты вообще об этом спросил? Я не собираюсь с тобой трахаться, если тебя это интересует.

Ее слова повергают меня в такой шок, что я чуть не съез-

жаю на обочину.

– Поверь мне, Пайпер, трахнуть тебя – это последнее, о чем я сейчас думаю. Я бы с большим удовольствием выкинул тебя из окна, но твои сестры меня за это убьют. – Я пытаюсь взять себя в руки, прежде чем скажу что-нибудь, о чем буду потом жалеть. – Я имел в виду Чарли. Почему он с тобой не приехал?

Пайпер отворачивается, но я готов поклясться, что заметил в уголках ее губ слабую улыбку. Интересно, какая она, когда по-настоящему улыбается? Готов поспорить, у нее одна из тех улыбок, которые способны осветить целую комнату. Одна из тех улыбок, от которых у мужчин подкашиваются ноги, и они теряют способность мыслить разумно. Правда, судя по ее виду, улыбается она редко. В ней есть что-то печальное и ранимое. И, черт побери, даже несмотря на то, что она самая большая стерва, которую я когда-либо встречал в своей жизни, что-то в ней вызывает к моему инстинкту защитника.

– Чарли не мой парень. *Она* моя лучшая подруга.

Пайпер теребит кожаный браслетик на запястье, перекручивая его то в одну, то в другую сторону, и вертит пальцами висящий на нем амулет. Это, наверное, подарок от Чарли. Фенечка, которые девушки дарят друг другу в знак дружбы.

– Понятно.

Я смеюсь, вспоминая обрывки разговоров ее сестер, которые я случайно слышал.

– Ну да, если подумать, так гораздо логичнее. Так почему она с тобой не приехала?

Пайпер раздосадованно вздыхает. Потом поворачивается ко мне всем телом, от чего ремень безопасности туго натягивается у нее на груди. Я стараюсь не обращать внимания на то, как от этого подернулся V-образный вырез ее футболки, подчеркнув роскошную зону декольте.

– Хочешь поговорить? Давай поговорим. Расскажи мне о себе. У *тебя* есть девушка?

Ее прекрасные стержневые глаза прожигают меня, пока она ждет ответа. Очевидно, она решила перевести разговор на меня, чтобы не рассказывать о себе. Или о Чарли.

– Да. Вообще-то есть.

Я не могу сдерживать улыбки. Уверен, что каждый раз, когда я думаю о Хейли, мое лицо просто светится от гордости.

Я чувствую на себе изучающий взгляд Пайпер.

– Хм, кажется, ты и правда ее любишь.

Она произносит это так, словно ей совершенно непонятно, как один человек может быть безумно влюблен в другого. Интересно, что – или *кто* – повстречался ей на пути?

– Да, – киваю я. – Я и представить себе не мог, что когда-нибудь полюблю кого-то так, как люблю ее.

Пайпер выпрямляется в кресле, и я задумываюсь, не промелькнула ли по ее лицу тень разочарования? Она протягивает руку к магнитоле, но останавливается и смотрит на меня.

– Ты не против?

Я качаю головой, и Пайпер пролистывает предустановленные радиостанции, пока не находит ту, которая ей нравится. Мы едем в тишине, иногда Пайпер тихонько подпевает какой-нибудь песне, пока не осознает этого и не перестает петь. Когда начинается моя любимая песня – та самая, которую мы поем вместе с Хейли – ну то есть я пою, а она гулит, – я замечаю, что Пайпер опять подпевает, и она краснеет. Быстрая волна смущения, пробежавшая по ее лицу, – лишь еще одно свидетельство того, что под суровой недружелюбной внешностью может все-таки скрываться приличный человек. Эта женщина – просто острая смесь противоречий.

Тут у меня звонит телефон, и музыка прерывается. Я нажимаю кнопку на руле и отвечаю на звонок.

– Как дела, Грифф?

– Ты получил посылку? – спрашивает Гриффин.

– *Посылка* сидит рядом с ним, – ехидно отвечает ему Пайпер.

– Мог бы и предупредить, что я на громкой связи, Дикс, – говорит Гриффин. – И да, привет, Пайпер! Это Гриффин. С нетерпением жду встречи.

– Ага, я тоже, – любезно отвечает Пайпер.

– Прости, Грифф. – Я пожимаю плечами. – Но да, я отвечу Пайпер, а потом встречусь с тобой и Гэвином в зале, хорошо?

– Договорились. Я буду там часа в четыре, после съемки.

Спасибо, что встретил Пайпер, Дикс.

– Без проблем! До скорого!

Я заканчиваю вызов, и музыка возвращается.

Пайпер уменьшает громкость.

– Почему друзья называют тебя *Дикс*? – спрашивает она с широко раскрытыми от удивления глазами.

– Ну потому что меня зовут Мейсон.

Она в недоумении хмурит брови.

– Мейсон Диксон, – объясняю я. – Ну ты знаешь, линия Мэйсона – Диксона, граница между свободными и рабовладельческими штатами до отмены рабства?¹

Пайпер чуть не поперхнулась от смеха.

– Твоя фамилия Диксон?!

Она совсем ничего обо мне не знает, что ли?

– Нет. Моя фамилия Лоуренс. Просто друзья называют меня Диксом.

– Ах да! – закатывает глаза Пайпер. – Я и забыла. Мужчины всегда придумывают друг другу дурацкие прозвища.

Она опять делает музыку погромче и смотрит в окно.

Пока мы едем в город, она не замечает, что я часто бро-

¹ Здесь игра слов: линия Мэйсона – Диксона – граница, проведенная в 1763–1767 годах английскими землемерами и астрономами Чарльзом Мэйсоном и Джеремайей Диксоном для разрешения длившегося почти век территориального спора между британскими колониями в Америке: Пенсильванией и Мэрилендом. До Гражданской войны служила символической границей между свободными от рабства штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга. Но имеется в виду Футбольная лига Мэйсона – Диксона – организация любительских футбольных команд, основанная в 1978 году. – *Здесь и далее прим. пер.*

саю на нее быстрые взгляды. Я размышляю о том, как могла эта девушка родиться у тех же родителей, что и Бэйлор со Скайлар. Кроме очевидного упрямства, у нее с ними нет ничего общего. Они добрые и самоотверженные. Они бы отдали свою правую руку за кого угодно. Они любят свою дружную семью и воскресные обеды.

И тогда какого черта я чувствую, что эта девушка – эта экзотическая стерва со своим дурацким блестящим носом – смогла проникнуть сквозь многочисленные слои толстой мозолистой кожи прямо мне в сердце?

Глава 3. Пайпер

– Прости, – говорит Скайлар, смеясь и обнимая меня в миллионный раз. – Я просто ужасно соскучилась. Я знаю, что ты хотела остановиться у родителей, но думаю, что прорвавшийся трубопровод – это знак судьбы. Потому что теперь ты будешь жить у нас. К тому же так нам будет гораздо легче планировать свадьбу.

Я смотрю ей через плечо на Эрона, ее двухнедельного сына, спящего рядом с Джордан – полугодовалой дочерью Бэйлор. Я прикрываю глаза и стараюсь не думать о пленительной жизни своих сестер. Ну ладно, может, они и набили себе немало шишек в процессе и то, что с ними произошло, было ужасно, но прямо сейчас, в эту секунду, они счастливы как никогда раньше. Даже Скайлар, которая никогда даже и не хотела мужа или детей, просто светится от счастья. И меня только что приговорили к полутора месяцам жизни посреди всего этого.

Я про себя ругаю родителей, которые в последний момент решили сделать полный ремонт – после того, как несколько дней назад у них затопило полдома. Но у меня оставался выбор. Я могла пожить у Скайлар в Нью-Йорке либо у Бэйлор в городке Мейпл-Крик в штате Коннектикут. Поскольку у меня не было ни малейшего желания жить в доме, где прошло мое детство – со всеми его плохими воспоминаниями, – я

досталась Скайлар.

Я высвобождаюсь из сокрушительного объятия Скайлар и сажусь на диван, наблюдая за тем, как наша самая старшая сестра наполняет шампанским три бокала.

– Скайлар, ты перебронировала церковь на пятнадцатое число? – Бэйлор присоединяется к нам в гостиной с тарелкой сыра и шампанским. Она протягивает нам по бокалу: – Нам со Скайлар можно только по одному бокалу, потому что мы кормим грудью. Зато тебе, Пайпер, достанется все остальное. Уверена, это тебе не помешает после долгого дня.

Я киваю и беру бокал у нее из рук:

– Спасибо.

Я не говорю ей, что дело вовсе не в долгом дне, а в пункте назначения.

Я оглядываю таунхаус Скайлар. Дом просто потрясающий. Обставлен с большим вкусом. Выглядит безопасным.

Тут до меня доходят слова Бэйлор, и я перевожу взгляд на Скайлар:

– На пятнадцатое число?! Надеюсь, ты имеешь в виду пятнадцатое апреля?

Скайлар качает головой и смеется:

– О, тебе предстоит так много узнать о планировании свадеб, сестренка! У нас никак не получится все проверить за месяц. Я уже начинаю сомневаться, что мы справимся за *два*.

– За два?!

Я ставлю бокал на журнальный столик с такой силой, что

шампанское расплескивается.

– Скайлар, ты же говорила полтора месяца! Полтора, а не два! Мне надо возвращаться обратно. Я не могу провести тут столько времени.

– Пайпер, это всего на пару недель дольше. – Бэйлор достаёт из сумки слюнявчик и вытирает устроенный мной беспорядок. – К тому же тебе ведь не на работу надо возвращаться.

Я смотрю на старшую сестру убийственным взглядом.

– Ага, конечно! Можно подумать, что писать книги – это настоящая работа, Бэй.

Я сожалею о своих словах сразу же, как только они слетают с моих губ. Я знаю, что ее книги очень популярны. Я даже одну из них прочла. Просто меня не интересует вся эта слащавая любовная фигня. Мне бы хороший детектив или триллер. Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Кто-то трогает меня за плечо.

– Все в порядке, Пайпс, – говорит Бэйлор. – Прости. Мне не стоило этого говорить. Мне бы просто хотелось, чтобы ты вернулась домой. Почему тебе надо все время путешествовать? Что произойдет, когда закончатся деньги, отложенные на твое образование? Тогда ведь тебе придется найти работу. Возвращайся домой, будешь моей ассистенткой.

– Или можешь работать в одном из наших ресторанов, – добавляет Скайлар. – Для тебя тут куча возможностей.

У меня совершенно нет сил. Я не хочу снова об этом спо-

ритель. Чтобы не ссориться, я отвечаю:

– Я подумаю. Когда закончатся деньги.

Кажется, их это удовлетворило, по крайней мере пока. Им необязательно знать, что деньги никогда не закончатся. Им необязательно знать, что деньги, отложенные на мое образование, давным-давно иссякли и что родители каждый месяц переводят мне небольшую стипендию. Им необязательно знать, что я никогда не вернусь домой.

Им необязательно все это знать.

– Чем еще займемся, помимо планирования свадьбы, пока ты здесь?

Скайлар с любовью смотрит на малыша Эрона.

– Я выйду из декрета только после свадьбы, так что можем потусить. Прямо как в старших классах школы. Ну, пока ты меня не бросила и не уехала на семестр за границу в одиннадцатом классе.

Старшие классы школы. Я морщусь, вспоминая об этом времени. Интересно, кто-нибудь еще ненавидит его так же сильно, как мы с Чарли? Только благодаря Чарли и сестрам я не сошла с ума в выпускном классе. Я не могла дождаться, когда наконец окончу школу и смогу путешествовать по миру.

Мне нужно поговорить с Чарли. Я смотрю на часы и осознаю, что в Барселоне сейчас уже ночь – неудивительно, что я так устала. Придется подождать до утра.

– Я пока не знаю, что буду делать. Я хотела потрениро-

ваться к Бостонскому марафону. И может, буду помогать родителям в новом ресторане, чтобы заработать немного денег.

– О, они будут очень рады. – Скайлар подходит к своему ерзающему малышу. – Ты можешь поработать официанткой в нашем нью-йоркском ресторане. Нам всегда нужны хорошие...

– К марафону?! – перебивает нас Бэйлор. – Ты, наверное, шутишь?

– Ты что, не следишь за страничкой Пайпер в «Фейсбуке»²? – спрашивает Скайлар. – Это практически единственный способ узнать, где она находится и чем занимается.

– Ох, ну вам же хорошо известно, что я ни разу в жизни даже не заходила в «Фейсбук». – Бэйлор сварливо приподнимает бровь.

– Ах да! – смеется Скайлар. – Я чуть не забыла про пресловутый саботаж «Фейсбука».

Она расстегивает блузку и устраивает Эрона у груди для кормления.

Глядя на то, как моя сестра беззаботно оголяет грудь, я закатываю глаза.

– Скайлар, ты что, серьезно? – спрашиваю я и отхожу, чтобы не наблюдать за этим процессом.

– Пайпер, подожди. – Бэйлор идет за мной на кухню. –

² Деятельность социальной сети «Фейсбук» запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. – *Здесь и далее прим. пер.*

Расскажи про марафон. Я знаю, что ты любишь бегать, но марафон? Ты не считаешь, что это немножко чересчур? Как бы то ни было, разве на такие мероприятия не надо регистрироваться сильно заранее? Он ведь уже в следующем месяце, да?

– Да. Двадцатого апреля, если говорить точнее.

Я достаю телефон и пролистываю галерею, пока не найду прошлогодние снимки. Потом показываю Бэйлор фотографии, которые сделала Чарли, когда я участвовала в марафонах в Берлине и Амстердаме.

– Я знаю, что регистрация уже закончилась, но организаторы всегда оставляют пару тысяч мест для благотворительных организаций и спонсоров. Я подумала, раз у Гэвина столько связей в кинобизнесе и все такое, может, он сможет ими воспользоваться, чтобы меня включили в список?

Бэйлор просматривает фотографии: на них я вся взмокла от пота и буквально ковыляю через финишную линию. Я тоже смотрю на фотографии из-за плеча Бэйлор, испытывая гордость за единственную вещь в своей жизни, которая придает ей смысл. Ясность. Цель.

Бэйлор возвращает мне телефон и заключает меня в крепкие объятия.

– Я так рада, что у тебя есть занятие, которое ты любишь! Я так за тебя волновалась, Пайпер. Я спрошу у Гэвина.

Раздается звонок в дверь. Джордан хныкает, привлекая внимание Бэйлор, а Скайлар все еще кормит Эрона, так что

я иду открывать. Я смотрю в боковое окно и вижу молодого мужчину, наверное, моего возраста, с большим пакетом в руках. У него темные волосы – короткие и уложенные, – что явно противоречит множеству татуировок на руках и сережкам в ушах. Он сексуальный. По-европейски сексуальный. Кто он вообще такой и зачем пришел к моей сестре?

На секунду я замираю. В животе у меня все завязывается в большой узел, а голова начинает кружиться. О боже, они пытаются меня с ним свести, да? Я так и знала! Это была одна из причин, по которым я не хотела возвращаться! Я только не могу поверить, что они, черт возьми, сразу принялись за дело, не дав мне ни одного дня, чтобы хотя бы привыкнуть к разнице во времени.

– Это, наверное, Джерод из ресторана. – Бэйлор копается с детским стульчиком, пытаясь приладить его к обеденному столу. – Впусти его, Пайпс. Он принес нам ужин.

Я облегченно выдыхаю и впускаю парня в дом. И хотя он всего лишь привез нам еду, а вовсе не явился на свидание со мной, я не могу не думать, не было ли у моих сестер какого-нибудь скрытого мотива.

– Привет!

Джерод заходит внутрь, и комнату наполняет аромат вкуснейшей американской кухни, от которого я забываю обо всем на свете – кроме ужина, который принес этот парень.

О, как я скучала по американской еде! Думаю, по еде я скучала больше, чем по всему остальному. Я чувствую запах

соуса для барбекю и надеюсь, что там жареная свинина, которой славится ресторан «У Митчелла». Есть всего несколько вещей, которых нельзя достать за границей, и хорошее барбекю – одна из них.

Джерод проходит мимо меня и удивленно оборачивается.

– Ух ты! – Он оглядывает меня сверху вниз. – Ты вполне могла бы сойти за Бэйлор, только чуть помоложе и с некоторой... э-э-э... эксцентричностью.

Я киваю на его многочисленные татуировки и сережки в ушах.

– Это я-то эксцентричная? – сухо спрашиваю его я.

Он смеется, ставит пакет на стол и достает из него несколько коробок с едой. Несмотря на всю усталость, у меня тут же просыпается аппетит, и я полностью готова приступить к пиршеству.

– Я слышал, ты какое-то время пробудешь здесь. Если захочешь, чтобы тебе показали город, то я тот, кто тебе нужен.

Я хватаю вилку и принимаюсь за еду, не дожидаясь остальных и не тревожась о том, какой свиньей я, должно быть, сейчас кажусь.

– Нет, ты *не* тот, кто мне нужен, – бормочу я, набив рот вкуснейшей свининой. – Я практически выросла здесь. Мне не нужны дешевые экскурсии.

Джерод выглядит слегка обескураженным. Я замечаю, что он вопросительно смотрит на моих сестер. Они пожимают плечами, потом Скайлар благодарит его за доставку:

– Джерод, ты просто душка! Я очень тебе признательна.

– Не стоит благодарности. – Он поворачивается, больше не глядя на меня. – Передай Гриффину привет и скажи, что мы с ним встретимся как-нибудь в зале.

Скайлар кивает, и они прощаются, а я уминаю ужин, как умирающая от голода крыса – заветный кусок сыра.

– Значит, поблизости есть спортзал? – спрашиваю я.

Раз уж мне придется жить у Скайлар, я, по крайней мере, смогу каждый день заниматься спортом. А если я буду еще и работать в ресторане, то буду проводить дома совсем мало времени. Я смотрю на Скайлар – теперь она кормит Эрона из второй чудовищно обнаженной груди.

Бэйлор кормит Джордан детским пюре с ложечки.

– Да, прямо на нашей улице. Лучший спортзал в Нью-Йорке. – Она поворачивается к Скайлар и подмигивает ей.

Я проглатываю кусочек свинины и слизываю с губ вкусный соус.

– Как ты думаешь, я смогу купить карту всего на пару месяцев, пока я здесь?

– Скорее всего, – отвечает Скайлар через плечо. – Учитывая, что Гриффин, Гэвин и Мейсон им владеют. Ну, большей его частью. Сорок процентов все еще принадлежат какой-то корпорации, но парни собираются их выкупить в ближайшие несколько лет.

Я хмурю брови, силясь ее понять:

– Они владеют спортклубом? Зачем кинопродюсеру и фо-

тографу спортклуб?

– И футболисту, – добавляет Бэйлор.

– Футболисту? – Я беру в рот полную вилку нежнейшего картофельного пюре.

Скайлар качает головой:

– Ты *совсем* нас не слушаешь, когда мы подключаем тебя по Скайпу на девичники? Мы каждый раз так или иначе упоминаем Мейсона.

– Мейсон играет в футбол³? – Я наклоняю голову и внимательно смотрю на нее. – Ах да, кажется, вы что-то про это говорили.

Я равнодушно пожимаю плечами:

– Я стараюсь не слушать, когда вы начинаете страстно обсуждать парней.

Скайлар и Бэйлор переглядываются. Бэйлор громко вздыхает и возвращается к кормлению дочери.

– Он не просто играет в футбол, – говорит Скайлар, застегивая блузку. – Он играет за команду «Нью-Йорк Джайентс»⁴.

Она встает, прижимает Эрона к плечу и идет на кухню, чтобы малыш срыгнул.

– Ну, не в каждом матче. Даже не в большинстве матчей, если на то пошло. Он их запасной квотербек. Вообще-то он

³ Здесь и далее имеется в виду американский футбол.

⁴ Профессиональный футбольный клуб, базирующийся в Нью-Йоркской агломерации.

должен был быть их основным квотербеком, но его обломал парень, который не ушел на пенсию. Джонни какой-то там – я даже не помню его фамилию. Я не очень слежу за футболом, но обязательно начну, когда Мейсон...

– Скайлар, – прерываю ее я, – в чем цель всей этой бесвязной тирады?

– Ну... я просто подумала, что тебе может быть интересно, кто твой шафер.

– Ты хочешь сказать, кто *ваш* шафер, Скайлар.

Я встаю из-за стола, даже не закончив ужин. Тут слишком много младенцев, и они производят слишком много мерзких звуков, чтобы продолжать есть.

– Как бы то ни было, мне все равно, кто он такой. А теперь, когда я знаю, что он известный футболист, мне еще меньше хочется иметь с ним дело. Впрочем, это объясняет его крутую машину. Наверняка он ее купил, чтобы произвести впечатление на дамочек. Вот мудак! Так что даже не пытайтесь меня с ним свести – и с кем бы то ни было, раз уж на то пошло.

Сестры снова переглядываются.

– Свести тебя с Мейсоном? – смеется Бэйлор. – Не волнуйся. Этого не случится, даже если бы ты захотела. Этот парень никем не интересуется уже несколько лет.

– Ну естественно, – говорю я. – У него же есть девушка. Скайлар поперхнулась напитком.

– Девушка? У Мейсона? Нет, нету. У него никого не было

после Кэссиди. Но это было два года назад, и все мы знаем, чем все закончилось.

– Но пока он меня вез, он сказал, что влюблен. – Я в недоумении чешу затылок. – Кажется, он сказал буквально следующее: *«Я и представить себе не мог, что когда-нибудь полюблю кого-то так, как люблю ее»*.

Бэйлор улыбается:

– А-а-а, ты имеешь в виду Хейли.

Я пожимаю плечами:

– Он не сказал, как ее зовут.

Скайлар смеется:

– Он не сказал, что Хейли – его дочь, а не девушка? Как это типично для Мейсона!

– Его *кто*? – Я перевожу взгляд с одной сестры на другую. – А он не слишком молод, чтобы иметь дочь?

Я морщусь сразу же, как только слова слетают с моих губ.

Бэйлор приподнимает брови:

– Я была моложе, чем он, Пайпс. Мейсону двадцать два.

Он уже достаточно взрослый, чтобы иметь детей.

– Детей? – ахаю я. – То есть у него не один ребенок?

– Нет, только Хейли. – Скайлар кладет Эрона в колыбельку. – Ей примерно полтора года, да, Бэйлор?

Бэйлор кивает:

– Боже, эта девочка – само очарование. Слава богу, что она унаследовала внешность от папы, а не от своей стервы-мамаши.

К счастью, я не успеваю больше ничего услышать про очаровательную маленькую девочку, потому что входная дверь открывается, и в дом заходит группка мужчин. И один очень милый девятилетний мальчик.

– Тетя Пайпер! – Мэддокс подбегает ко мне и прыгает ко мне в объятия.

– Бешеный Макс! – Я крепко обнимаю его и кружу по комнате. С Мэддоксом у меня связаны прекрасные воспоминания. Бэйлор родила его, когда ей было девятнадцать. Она вернулась домой, чтобы работать в ресторане «У Митчелла» и закончить образование, так что ей постоянно требовалась моя помощь. Мне тогда было всего четырнадцать, но я была его основной няней. Пока не уехала. Но тех нескольких лет оказалось достаточно, чтобы между нами сформировалась крепкая связь. Мэддокс – единственный ребенок, которого я по-настоящему люблю. То есть да, мне, конечно, нравятся другие дети. Но между нами никогда не будет такой связи, как между мной и Мэддоксом.

Мы с Мэддоксом обмениваемся новостями, а остальные снимают куртки и подходят за едой. Неудивительно, что они заказали так много.

Гэвин крепко меня обнимает. Мы встречались всего однажды – на их с Бэйлор свадьбе, – но он муж моей сестры, поэтому я позволяю ему так себя обнимать. Потом Скайлар знакомит меня с Грифффином, который горячо благодарит меня за то, что я вернулась, чтобы помочь им организо-

вать столь важное для них событие.

Мейсон приподнимает подбородок в знак приветствия. Никаких объятий. Никакого пожатия его необычайно большой руки. Даже ни слова приветствия. Да уж, он и правда мурак. Ну что ж, оно и к лучшему. Я тоже не хочу с ним общаться. Ни о чем, что выходит за рамки обязанностей, возложенных на нас Скайлар и Гриффин.

Бэйлор кладет Джордан на игровой коврик, и девочка начинает играть с игрушками, подвешенными на уровне ее глаз.

– Гэвин, Пайпер хочет поучаствовать в Бостонском марафоне. У тебя есть какие-нибудь связи в студии, чтобы помочь ей зарегистрироваться?

Гэвин размышляет над вопросом Бэйлор, потом качает головой.

– Я поспрашиваю, но вряд ли. Мы много работали с Нью-Йоркским марафоном. – Он поворачивается ко мне: – Жалко, что ты его пропустила – он был в прошлом месяце, – туда я бы точно смог тебя записать.

Гэвин указывает вилкой на Мейсона.

– Может, ты, Мейсон? «Джайентс» не могут ее зарегистрировать?

Мейсон бросает на Гэвина убийственный взгляд. Из его глаз летят копы, словно Гэвин попросил его отрезать свою бросающую руку. Потом Мейсон поворачивается ко мне. Внимательно разглядывает мои двухцветные волосы. Оста-

навливает взгляд на пирсинге в носу.

– Хочешь сказать, что *ты* спортсменка?

От такого невежливого вопроса у меня отвисает челюсть.

– Я не спортсменка, а бегунья. – Я ненадолго прикрываю глаза, осознавая поэтическую точность этого утверждения.

Мейсон качает головой:

– Ты не спортсменка. У спортсменов не бывает пирсинга в носу, неоновых ногтей и волос непонятного цвета. И у тебя слишком короткие ноги – вряд ли у тебя хорошее квалификационное время. Ты же знаешь, что для участия в марафоне нужно хорошее квалификационное время, да?

Я удерживаюсь от того, чтобы его обматерить, – по той причине, что на кухне сидит мой впечатлительный девятилетний племянник. Вместо этого я спокойно наливаю себе еще глоток шампанского и залпом его выпиваю.

– К тому же спортсмены не пьют, как матросы в отпуске, – добавляет он.

Ну все! Я подхожу к Мэддоксу сзади и закрываю ему уши ладонями.

– Ты ни черта обо мне не знаешь, Мейсон. Как ты смеешь предполагать, что, раз я немного отличаюсь от других, у меня не может быть ничего общего с таким человеком, как ты? А ты, как мне теперь известно, самовлюбленный, жаждущий славы кобель с крошечным членом и крышесносной машиной для привлечения всего, у чего имеется вагина. Так вот слушай сюда, Дикс, и слушай меня внимательно-

но. Я зарегистрирована в АММ. Впрочем, твоему мозгу размером с горошинку, наверное, неизвестно, что это Ассоциация международных марафонеров. Уверяю тебя, что у меня более чем достаточно сертифицированных квалификационных времен, чтобы участвовать в Бостонском марафоне. Я даже уверена, что эта *маленькая* девушка с короткими ногами и пирсингом в носу легко побьет марафонское время такого крупного эгоистичного парня с мозолистыми руками, как ты.

Я убираю ладони от ушей Мэддокса, целую его в макушку и отхожу. И тут я замечаю, что все в комнате молчат, а все взгляды прикованы ко мне и Мейсону.

Мейсон подходит к Мэддоксу, взъерошивает ему волосы и закрывает его уши ладонями точно так же, как только что сделала я.

– Я готовился к марафону все межсезонье. И да, я могу тебя зарегистрировать. Так что, Пайпер Митчелл, игра, черт возьми, начинается!

Он подходит к холодильнику и достает себе пиво. Его выцветшие тесные джинсы подчеркивают узкую талию и мускулистые бедра. Он залпом выпивает полбутылки, а остальные в изумлении молча на него смотрят.

– Я даже позволю тебе заниматься со своим тренером в спортзале, – добавляет он. – Она тебе понравится. У нее тоже странные волосы и пирсинг.

Он берет под мышку неначатую коробку с едой. Потом

допивает пиво, выбрасывает пустую бутылку и идет к двери.

– А теперь прошу прощения, но мне нужно забрать Хейли. В эти выходные она у меня.

Он берется за ручку двери и оборачивается ко мне:

– Можешь начать в понедельник. Когда придешь в себя после смены часовых поясов. Но – ради всего святого! – прекрати пить.

После того как Мейсон уходит, я еще долго смотрю на закрытую дверь. Потом поворачиваюсь к сестрам, которые смотрят на меня, открыв рты.

– Ну вы только подумайте! Это *мне* надо перестать пить?! Он только что выдул целую бутылку пива. И как вы только его терпите?

Я подхожу и наливаю себе еще бокал шампанского – просто из вредности, хотя прекрасно знаю, что утром у меня будет тяжелое похмелье.

Я опираюсь на стойку и делаю глоток шипучей жидкости. Потом замечаю, что в комнате по-прежнему так тихо, что слышно, как муха пролетит.

– Он тебе нравится! – Скайлар улыбается до ушей и чуть не подпрыгивает на кресле. – О боже, Пайпер, тебе нравится мальчик! Ты *не* лесбиянка.

После ее слов шампанское струей выливается у меня изо рта.

– Лесбиянка... Вы думали, что я лесбиянка? – Я перевожу взгляд со Скайлар на Бэйлор и оцениваю их реакцию.

— Ну, ты никогда даже не упоминала никаких парней. Кажется, ты всегда испытываешь такую... неприязнь к мужчинам, — объясняет Бэйлор. — И к тому же Чарли...

— Она моя *лучшая подруга*, — заявляю я. — А не моя *девушка*. Чарли, моя гетеросексуальная подруга, которая сейчас спит с каким-то парнем, которого подцепила в прошлом году в ожидании моего возвращения. Что является еще одной причиной, по которой я не могу оставаться здесь дольше, чем нужно. И... *нравится* Мейсон? Этот придурок? Вы что, издеваетесь? Я к нему и на пушечный выстрел не подойду. Он наверняка такой же, как все остальные чванливые спортсмены, которые считают, что осчастливили все человечество одним своим существованием. Нет, меня в нем интересует только то, что он может зарегистрировать меня на Бостонский марафон.

Мои сестры обмениваются еще одним взглядом. И когда это они успели так поднатореть в невербальном общении друг с другом?

— Фиг с ним, — дуюсь я.

Потом беру свой тяжелый чемодан и направляюсь к лестнице:

— Я иду спать. У меня нет сил.

Гриффин подсказывает и забирает чемодан у меня из рук:

— Я провожу тебя в твою комнату.

И только потому, что я валюсь с ног из-за разницы во времени, алкоголя и разочарования, я принимаю помощь от

мужчины.

Глава 4. Мейсон

Гэвин и Гриффин бегут и догоняют меня на легкоатлетическом манеже, окружив с обеих сторон.

– Готовишься к Бостонскому марафону, значит? – спрашивает меня Гэвин. – И с каких это пор?

– Готов поспорить, что он начал примерно через две секунды после того, как Пайпер сказала, что сможет его опередить, – говорит Гриффин.

Они смеются и обгоняют меня, ведь им не нужно удерживать медленный темп в отличие от меня. С тех пор как я раскрыл вчера свой болтливый рот, я вот уже в десятый раз качаю головой, изумляясь собственной глупости. Я никогда не был слишком склонен к соперничеству. Это может показаться странным, учитывая мою профессию. И может быть, объясняет, почему я решил остаться в команде «Нью-Йорк Джайентс» после того, как Хенли передумал уходить на пенсию, а не вошел в стартовый состав в каком-нибудь другом клубе. Но по какой-то причине эта девушка – эта *женщина* – действует мне на нервы, и я просто не мог не принять брошенный ею вызов.

Вчера ночью я плохо спал. Я думал о том, не дал ли я ложных обещаний. Я даже не знал наверняка, смогу ли сам попасть в этот забег, не то что включить в него Пайпер. Но сегодня утром, когда координатор по благотворительной дея-

тельности «Джайентс» перезвонил мне и сказал, что все в порядке, я выдохнул от облегчения. Или от раздражения из-за того, что Пайпер снова вывела меня из равновесия. Как-никак, мне пришлось выложить за каждого из нас по пятизначной сумме.

Один день. Я знаком с Пайпер Митчелл всего один день, но уже не могу выбросить ее из головы. Она совершенно не похожа на женщин, которые привлекали меня раньше. Не похожа на мать Хейли. Не похожа на толпы фанаток, вешающихся на меня, как только они узнают, что я профессиональный футболист.

– Кстати, о Пайпер, – говорит Гэвин, когда они снова догоняют меня на полукилометровом треке.

Я сурово смотрю на него:

– Это *ты* заговорил про Пайпер, а не я.

Я замедляюсь в надежде, что они просто меня обгонят.

Но парни разворачиваются и бегут спиной вперед.

– Интересуешься, Дикс? – спрашивает Гриффин.

Я прикидываюсь дурачком:

– Интересуюсь чем?

– Интересуешься Пайпер, тупица!

Ну конечно, интересуюсь! А кто бы не заинтересовался?

Ну не считая парней, которым не нравятся нахальные, упрямые женщины, приводящие их в бешенство. Блин, и о чем я только думаю?

– Ну конечно, нет! – Я смотрю на часы, схожу с трека и иду

за полотенцем. – Без обид, потому что вы любите ее сестер и все такое, но Пайпер – просто первоклассная стерва.

Мы все берем из стопки по полотенцу и вытираем с лица пот. Гэвин хмурится.

– Тогда зачем ты принял ее вызов? И почему сразу марафон? Я хочу сказать, что это довольно серьезная затея, Мейсон.

– Мне нужно сделать над собой усилие. Чем сильнее я буду, тем больше у меня шансов войти в стартовый состав.

– Когда у тебя начинаются межсезонные тренировки? – спрашивает Гриффин.

– Двадцать второго апреля, – отвечаю я. И жду.

– Через два дня после марафона? – Гэвин, смеясь, качает головой: – Чувак, тебе что, жить надоело?

– Все норм, – заверяю их я. – В первые две недели у нас только силовая подготовка и восстановление. Мы не сразу приступаем к сложным нагрузкам.

Гэвин шлепает меня полотенцем.

– Да, после марафона восстановление тебе точно понадобится.

– А тебе точно не мешает, что у нас свадьба пятнадцатого мая? – спрашивает Гриффин. – Это же как раз в разгар тренировок.

– Все нормально, Грифф. Я уже уточнил у координатора. Выходные у нас свободны до самой предсезонки, и мне надо посетить всего десять обязательных дней мини-лагеря. Но я

собираюсь тренироваться столько, сколько смогу. Даже поеду в лагерь для новичков. Мне нужно доказать всем, что я то, что надо. Иногда начать с нуля бывает полезно.

– Мы уверены, что ты – то, что надо, Дикс. – Гриффин бросает грязное полотенце в корзину. – Джонни Хенли здорово тебя подставил. Но могу тебе сказать, приятель, что ты принял это с достоинством – а это дорогого стоит. Однажды ты войдешь в стартовый состав. Мы все в тебя верим.

Вера. Каждый раз, когда я слышу это слово, я вспоминаю Эрин – первую жену Гриффина. Она всегда говорила о вере, судьбе и семье и о том, что нужно довериться им. Боже, как я по ней скучаю!

Мысли об Эрин напоминают мне о том, что я обещал отвести Скайлар сделать татуировку. Она хочет удивить Гриффина, сделав себе такую же татуировку, какая была у Эрин. Если посмотреть со стороны, то их ситуация может показаться ужасно запутанной. Но я, наоборот, считаю, что Скайлар и Гриффин – чертовы герои. Не многие способны на то, что им удалось сделать – взять хреновую ситуацию и превратить ее в нечто прекрасное.

– Ты придешь завтра на обед? – кричит Гриффин из соседней душевой кабинки.

Обед. Обожаю воскресный обед с митчелловской тусовкой, особенно когда Хейли со мной. Они в ней души не чают, а Хейли любит играть с Мэддоксом и малышами. Но если я пойду, то опять встречусь с младшей из сестер Митчелл.

Не думаю, что это разумно после вчерашнего. Я не хочу испортить всем обед и думаю, что несколько дней без Пайпер пойдут мне на пользу. Мне не стоит усложнять свою жизнь ничем, что отвлекло бы меня от моей основной цели: войти в стартовый состав. Хейли и футбол – это все, чем я способен сейчас заниматься. Все, чем я хочу сейчас заниматься.

После душа мы договариваемся встретиться завтра в баре, и я направляюсь в детскую комнату, чтобы забрать свою дочь.

Я заглядываю через большое панорамное окно и вижу, что Хейли играет с другими детьми. Я наблюдаю за ней сквозь стекло. До сих пор каждый раз, когда я ее вижу, у меня перехватывает дыхание. Ее ангельское личико обрамляют платиновые волосы. Я пытался завязать их в хвостик, но в этом деле я еще далек от совершенства, и хвостик опять распался, а длинные волосы Хейли спутались. Я знаю, что меня неизбежно ждут слезы, когда я буду их расчесывать вечером. Но сначала я отведу Хейли в парк. Она обожает лошадок. А я готов на все, чтобы увидеть ее обворожительную улыбку.

Когда Хейли меня замечает, ее лицо озаряется.

– Папа! – взвизгивает она и ковыляет ко мне, а я весь таю при звуке ее высокого мелодичного голосочка.

Я подхватываю ее на руки, покрываю ее лицо поцелуями, потом благодарю воспитателей и направляюсь к машине. К моей – как она ее назвала? – *крышесносной машине для привлечения всего, у чего имеется вагина?* Да, это спортивная

машина. Да, она крутая. Но что, как ни странно, не заметила Пайпер, пока я вез ее домой, – так это детское кресло Хейли на заднем сиденье. Это было моим единственным требованием при покупке машины. Мне нужна была отличная спортивная машина с детским креслом. Если бы я знал, что женщины будут пускать слюнки уже при одном взгляде на нее, я бы, пожалуй, изменил свой выбор и купил минивэн. Если моя машина притягивает женщин, то минивэн их отпугивает.

По дороге в парк я ненадолго задумываюсь, не заменить ли единственный предмет роскоши, которым я владею. Но в итоге убеждаю себя, что это не моя проблема. Это проблема тех женщин, которые бесстыдно вешаются на любого профессионального спортсмена в надежде получить свои пятнадцать минут славы.

Один раз я уже совершил такую ошибку. Больше я ее не повторю. И хотя в результате я получил лучшее, что у меня когда-либо было, – Хейли, – я не собираюсь рисковать. Поэтому с тех самых пор, когда Кэссиди объявилась на седьмом месяце беременности и потребовала предложения руки и сердца, у меня никого не было. Прошло уже почти два года с тех пор, как у меня в последний раз был секс. Моя левая рука стала моим лучшим другом и единственным источником удовлетворения. Забавно, что я сознательно решил использовать левую – недоминирующую – руку, чтобы укреплять ее в процессе.

После катания на пони Хейли начинает капризничать – а это верный знак того, что она проголодалась. Ресторан «У Митчелла» совсем недалеко отсюда, поэтому я прохожу пять кварталов с дочкой на плечах.

Я захожу в дверь, и меня обдаёт приятным потоком теплого воздуха. Но тут я чуть не натыкаюсь на единственного человека, которого здесь быть не должно. Я неодобрительно смотрю на нее.

– Так вот как ты проводишь свой декретный отпуск, Скайлар? Ты же знаешь, что декрет означает, что тебе не надо появляться на работе, верно?

Скайлар смущенно смотрит на меня.

– Я ничего не могла с собой поделать. Не хочу, чтобы ресторан развалился ко всем чертям, пока меня нет. Я забежала всего на несколько минут, чтобы убедиться, что в мое отсутствие тут все хорошо.

Я тяну ее за собой к стойке администратора.

– Столик на *троих*, пожалуйста, – говорю я, глядя на Скайлар, а не на девушку за стойкой.

Скайлар с тоской оглядывается на кухню, потом вздыхает:

– Ладно, уговорил. Но только потому, что я хочу пообщаться вот с этой прекрасной девочкой. Как поживаешь, Хейли?

– На уч-ки!

Она протягивает к Скайлар ручки, и та с готовностью ее подхватывает.

Скайлар выбрала столик поближе к кухне – по всей вероятности, чтобы услышать, если вдруг возникнет какая-то проблема, требующая ее вмешательства.

– А где Эрон? Вы его пока с собой не берете?

Скайлар качает головой:

– Нет, мы его везде берем, но Гриффин никому не разрешает его трогать. Он очень бдительный в этом плане. Таскает с собой огромный флакон с антисептиком, и мы дезинфицируем руки каждый раз после того, как дотронемся до дверной ручки или нажмем на кнопку лифта. Выглядит это весьма комично, а порой – не побоюсь этого слова – ужасно раздражает. Но я с этим мирюсь, потому что знаю, что он пытается уберечь Эрона от болезней. В окружении Гриффина было столько болезней, что хватит на целую жизнь.

Я энергично киваю в знак согласия:

– Знаешь, это может быть просто потому, что он только недавно стал отцом. Поначалу я так же переживал за Хейли. Особенно потому, что не очень часто ее видел. Не волнуйся, Гриффин скоро изменится. – Я пью воду, которую принес официант. – Так что, с Эроном сидит Пайпер?

Скайлар поперхнулась водой и закашлялась:

– О боже, нет! Эта девушка не сидела ни с одним ребенком со старших классов школы. Думаю, Бэйлор слишком ее перегрузила или что-то в этом роде. Несколько лет Пайпер практически растила Мэддокса, а потом ей стукнуло семнадцать, и в ее жизни появились более важные вещи. Напри-

мер, Чарли и планирование их путешествия после окончания школы.

К счастью, к нам подходит официант, чтобы принять заказ, так что мы можем больше не говорить о Пайпер. *И зачем я вообще о ней заговорил?*

– Джерод, ты же помнишь Мейсона, да? Он будет шафером у меня на свадьбе.

Джерод протягивает мне руку, и я ее пожимаю.

– Ах да! Мейсон Лоуренс, я все про тебя знаю. Я большой фанат «Джайентс». Удачи в этом году, приятель! Надеюсь, ты будешь играть чаще, чем в прошлом сезоне.

На Джероде рубашка с длинными рукавами, из-под которых выглядывают татуировки. В ушах у него серьги. Он, должно быть, чертовски хороший официант, потому что «У Митчелла» обычно более уважаемый персонал. Я замечаю его короткие уложенные волосы – может, ему пришлось сменить прическу, чтобы получить здесь работу?

– Спасибо, я тоже на это надеюсь.

Я делаю заказ и прошу принести обжаренное куриное филе и яблочные дольки для Хейли.

– Хочешь шоколадное молоко, солнышко?

Хейли хлопает в ладоши и пищит:

– Шоко!

Джерод принимает наш заказ, но ненадолго задерживается, прежде чем уйти. С полсекунды он внимательно смотрит на меня, потом обращается к Скайлар:

– Так сколько твоя сестра тут пробудет?

Прежде чем ответить, Скайлар бросает быстрый взгляд на меня. Мое лицо остается непроницаемым.

– До свадьбы, то есть до пятнадцатого мая, – отвечает она.

– Понятно. – Джерод нервно переминается с ноги на ногу. – М-м-м... как ты думаешь, она согласится куда-нибудь со мной сходить? Может, ты могла бы замолвить за меня словечко?

Скайлар изо всех сил старается сдержать ухмылку:

– Конечно, Джерод. Пайпер редко ходит на свидания, но я обязательно расскажу ей, какой ты милый парень.

– Милый? – переспрашивает он так, словно это оскорбление. – Может, лучше скажешь ей, что я ваш лучший официант и что меня, вероятно, скоро повысят до помощника управляющего? И скажи ей, что я могу достать VIP-билеты на концерты отпадных новых групп, потому что мой дядя их устраивает.

– Помощник управляющего? Ты серьезно? – переспрашивает Скайлар, ее внимание приковано к пареньку, которому на вид вряд ли больше двадцати лет. – Я рада, что ты такой целеустремленный, Джерод. И обязательно передам все это Пайпер.

– Спасибо. Пойду отдам ваш заказ. Не забудь, ладно?

– Не забуду, Джерод. А теперь беги к третьему столику – клиент, кажется, чем-то раздражен.

Джерод мчится туда, а я качаю головой ему вслед.

– Пайпер провела здесь всего один день, а у нее уже появился ухажер. Что в вас есть такое, сестры Митчелл?

– Вообще-то, целых два ухажера, – поправляет меня Скайлар.

– Два? Правда? – Я вопросительно и, возможно, озабоченно приподнимаю брови.

– Ой, да ладно, Мейсон! – Скайлар полностью входит в роль матери, достает из сумки, которую я принес, фартучек и застегивает его у Хейли на шее. – Не прикидывайся дурачком. Я видела, как вы вчера общались.

– Как мы общались... э-э-э... ты имеешь в виду ссору, которую затеяла твоя сестра?

– Именно! – Скайлар улыбается так, что все ее лицо озаряется, и я не могу не заметить, что у нее такие же зеленые глаза, как у Пайпер. – И вызов, который ты ей бросил. И прогонь между вами. – Она обмахивает себя рукой так, словно ей стало жарко.

– Огонь? – переспрашиваю я с сомнением – и с чуточкой отрицания. – Ты с ума сошла! И кстати, это она бросила мне перчатку! А я просто ее поднял. Я действую из чисто эгоистических соображений, потому что это хорошая силовая тренировка, которая поможет мне подготовиться к сезону.

– Ага, конечно!

Джерод ставит перед Хейли шоколадное молоко, и Скайлар помогает ей справиться с соломинкой.

– Я просто не могу поверить, насколько она изменилась.

– Кто? Хейли?

– Нет, Пайпер. Я имею в виду пирсинг в носу и то, как она покрасила волосы. Раньше она такой не была. Мы были как три мушкетера – она, Бэйлор и я. То есть *четыре* мушкетера, если считать Чарли, которая всегда была с нами. И даже хотя Пайпер на пять лет младше Бэйлор и на три года младше меня, мы всегда очень хорошо ладили. Мы были неразлучны. Я никак не могу понять, что с ней случилось.

– С ней случилась Европа. И Азия. И Африка, – отвечаю я. – Люди там другие. Прошлым летом у нас были товарищеские матчи за границей. Это совершенно другой мир, Скайлар. Думаю, чем эксцентричнее ты выглядишь, тем лучше в него вписываешься.

Нам приносят куриное филе для Хейли, и я режу его на маленькие кусочки.

– Дайте Пайпер возможность акклиматизироваться. Она так долго отсутствовала.

– Да, пожалуй, – соглашается Скайлар, ковыряя свой салат. – Просто не будь к ней слишком строг, Мейсон. С ней что-то не так. С ней уже давно что-то не так. Я знаю, что она кажется эгоистичной стервой, но на самом деле она не такая. Думаю, она просто напускает на себя такой вид. Так что если она тебя хоть капельку интересует, не сдавайся. Думаю, ты можешь оказаться именно тем, кто ей нужен.

– Я? – Я указываю на проходящего мимо официанта: – А может, он? Кажется, он больше в ее вкусе.

Пайпер качает головой:

– Не пойми меня неправильно. Я люблю Джерода. И он прав – он действительно наш лучший официант. Но Джерод неподходящий парень для Пайпер. Ей нужен кто-то сильный. Кто-то понимающий. Кто-то, кто сможет не обращать внимания на ее суровый вид и сломать выстроенные ею стены.

– Скайлар, мне нельзя отвлекаться. Я решаю проблемы с Кэссиди, занимаюсь с Хейли каждые вторые выходные и играю в футбол – это все, с чем я могу сейчас справиться. Не думаю, что могу взяться за еще один проект, да еще и такой сложный, как твоя сестра.

– Проект? – Скайлар злобно смотрит на меня. – А разве ты не это сделал, когда согласился готовиться с моей сестренкой к марафону?

– Кто сказал, что я буду готовиться с ней? Я сказал, что разрешу ей заниматься со своим тренером. И вообще, мне кажется, она меня ненавидит.

Скайлар смеется.

– Что в этом смешного? – спрашиваю я.

– Так, ничего. Просто я подумала ровно то же самое, когда мы с Гриффином познакомились.

Глава 5. Пайпер

В воздухе все еще ощущается зимняя прохлада, когда я прохожу десять кварталов до спортзала. Я иду быстро, стараясь выбросить из головы сон, который приснился мне вчера ночью. Сон, который снится мне уже вторую ночь подряд. Я думала, что кошмары исчезли. Они уже давно мне не снились. Может, они вернулись, потому что я вернулась домой. Сны каждый раз разные. Лица в них никогда не повторяются.

Я плотнее запахиваю на себе куртку, еще больше ускоряю шаг и вспоминаю о вчерашнем обеде в ресторане «У Митчелла» на Лонг-Айленде – самом новом ресторане моих родителей. Было интересно наблюдать за тем, как все изменилось за последние годы, пока меня здесь не было. Все движется вперед. Делают что-то со своей жизнью. Продолжают жить. А я все время бегу по кругу, как заезженная пластинка.

Я заметила некоторые детали, которые ускользнули от меня в прошлом году, когда я прилетала на свадьбу Бэйлор – в тот раз я провела здесь всего одни выходные, и они пролетели как ураган. Например, я заметила, что мама постарела и выглядит уставшей, вокруг глаз и рта проявились тонкие морщинки, которых не было у нее раньше. Да, маме скоро будет пятьдесят, но она всегда так молодо выглядела. Все-таки четыре года – это большой срок.

Отец принял Гэвина и Гриффина, как свою плоть и кровь.

Как сыновей, которых у него никогда не было. Может, он хотел, чтобы я родилась мальчиком? Третий ребенок – его последний шанс на сына? На кого-то, кто унаследует его имя и его империю? С тех пор как я уехала в одиннадцатом классе, отец мало со мной разговаривает. Я для него разочарование. Неудача. Я думаю о том, насколько иной была бы наша жизнь, если бы я просто родилась мальчиком. Отца, кажется, куда больше волновало то, что на обед не пришел Мейсон, чем то, что его младшая дочь туда *пришла*.

Интересно, почему Мейсон не явился? Потому что знал, что я там буду? Он меня явно недолюбливает. Как бы то ни было, мне на него совершенно наплевать. Пусть даже единственное, что меня в нем не устраивает, – это то, что у него есть член.

У меня вибрирует телефон, я улыбаюсь и отвечаю на звонок.

– Ты себе даже не представляешь, как я хотела услышать твой голос! – говорю я.

– Ну и как у тебя проходит третий день? – спрашивает Чарли. – Пожалуйста, скажи мне, что ты сегодня встретишься со своим прекрасным накачанным футболистом.

– Заткнись! – Я закатываю глаза. Не надо было даже упоминать вчера его имя. – Нет, с ним я, к счастью, не встречу, зато встречу с его тренером. Я иду в зал прямо сейчас.

– А его тренер такой же прекрасный? – спрашивает Чарли.

– Не знаю, *ее* я еще не видела.

– О-о-о, можете устроить секс втроем, – хихикает она. – Нет, ну в самом деле, парень очень сексуальный – как супер-спортивный герой-любовник. Я его загуглила. И, Пайпс, я знаю, что ты ни с кем никогда не встречаешься и все такое, но если ты планировала когда-нибудь начать, то сейчас самое подходящее время.

Я раздраженно выдыхаю в трубку. Я не прекращаю разговор только потому, что знаю, что Чарли шутит. Еще она знает, насколько далеко может зайти, прежде чем я взорвусь.

– Ладно, ладно, – говорит она. – Хватит о чертовски сексуальном квотербеке. Расскажи про всю остальную фигню, которую делала после нашего вчерашнего разговора.

Я рассказываю про семейный обед, опуская подробности того, как выглядит мама. Это расстроило бы Чарли. Моя мама была для нее практически второй матерью. Да что там, она практически была для нее *единственной* матерью! Настоящая мать Чарли слишком глубоко залезла в бутылку, чтобы обращать хоть какое-то внимание на свою единственную дочь. Она была вышедшей в тираж манекенщицей, оставшейся не у дел. Стареющей актрисой, которой теперь доставались эпизодические роли чьей-нибудь сорокалетней матери. Тем не менее ей все равно приходилось держать марку. Ее часто приглашали на благотворительные мероприятия и на премьеры с красной ковровой дорожкой, поэтому она должна была выглядеть безупречно.

В отличие от ее дочери. Ее прекрасной дочери, которая,

по словам ее матери, *украдала ее красоту* с той самой минуты, как ею забеременела.

Никого не волновало, как выглядит ее дочь. Это ведь не она находилась в свете софитов. Никто бы не заметил синяки у нее на лице и ожоги на руках. Чарли хорошо умела их скрывать. Настолько хорошо, что даже моя мама – которая очень сблизилась с Чарли – ничего о них не знала, пока Чарли все ей не рассказала в выпускном классе, незадолго до того, как мы собрали чемоданы и уехали. Но к тому времени Чарли было уже восемнадцать, и она практически жила в нашем доме. Она умоляла мою маму ничего не предпринимать по этому поводу.

Может, поэтому моя мама выглядит такой постаревшей? Потому что ей пришлось хранить слишком много секретов?

Мы заканчиваем разговор, и я захожу во внушительный четырехэтажный спортзал. *Ого!* Черт! Он выглядит как шикарный отель, только люди здесь не в классических костюмах, а в спортивной одежде. Они им *владеют*? Гэвин, Гриффин и Мейсон владеют этим заведением? Я оглядываю просторное помещение – его можно рассмотреть почти целиком, от одного конца до другого, потому что перегородки между залами стеклянные. Я уверена, что мне здесь понравится. Я замечаю десятки беговых дорожек, на которых смогу забыть обо всем на свете. Силовые тренажеры, которые манят меня, предлагая проверить себя на прочность. Боксерские ринги, на которых я оставлю часть своей агрессии.

Я подхожу к стойке администратора и роняю спортивную сумку на пол.

– М-м-м... у меня назначена встреча с тренером.

Я копаюсь в телефоне в поисках эсэмэс от Мейсона. Он, должно быть, неправильно написал ее имя.

– Э-э-э... Трик?

– Трик – это я, – за моей спиной раздается мягкий мужской голос.

Я оборачиваюсь и с удивлением обнаруживаю, что этот голос принадлежит женщине. Она протягивает мне руку:

– Мейсон тебя прислал. Ты Пайпер, верно? Я его обожаю. И твоих зятьев. Ну, Гриффин пока еще официально им не стал, но ждать осталось уже недолго. Уже предвкушаешь их свадьбу?

Пока она треплется обо всем и ни о чем, я разглядываю ее внешность. Как Мейсон и сказал, у Трик есть пирсинги: один на губе и один в брови. У нее короткие фиолетовые волосы в тон одежде – облегающему спортивному топу, сглаживающему ее едва заметную грудь, и легинсы длиной в три четверти, подчеркивающие ее мальчишескую фигуру. Она миниатюрная, но очень натренированная. Четко очерченные бицепсы ведут к толстым линиям вен на предплечьях. Я сразу же понимаю, что она мне понравится.

– ...и поэтому я остановилась на имени Трик, ну ты понимаешь, потому что оно гендерно нейтральное и все такое.

Я осознаю, что пока разглядывала эту причудливую, но в

то же время потрясающую девушку, я прослушала почти все, что она говорила.

– М-м-м, извини. – Я наконецжимаю ее протянутую руку, надеясь, что она не решит, что я невежливая тупица. – Да, я Пайпер. Мейсон сказал, что я могу с тобой заниматься, пока я тут?

Она смеется и оглядывает меня с головы до ног:

– Видно, ты его очаровала.

– Очаровала? – Я скрещиваю руки на груди – мне слегка некомфортно от того, как она меня разглядывает.

– Ага. – Трик наклоняется, берет мою сумку и делает мне знак следовать за ней. – Мейсон не делится мной с кем попало, знаешь ли. Должно быть, ты ему нравишься.

Она снова оборачивается и смотрит на меня, качая головой так, как будто она чем-то озадачена.

– Нравлюсь? Нет. Скорее всего, он просто меня пожалел, потому что я сказала, что побью его время в Бостонском марафоне. До сих пор не могу поверить, что я это сказала! И о чем я только думала? Мейсон – профессиональный спортсмен, а я всего лишь бегаю – ну и еще иногда занимаюсь боксом.

Трик внезапно останавливается, и я чуть не налетаю на нее.

– Погоди-ка. Попридержи коней, – произносит она и сгибается пополам от смеха. Наконец она выпрямляется и вытирает слезы. – Ты хочешь сказать, что Мейсон Лоуренс бу-

дет участвовать в Бостонском марафоне? Вместе с тобой?

Не понимаю, почему ей это кажется таким смешным.

– Ну, не *вместе* со мной, – говорю я. – Но именно Мейсон меня на него зарегистрировал. Он сказал, что уже давно готовится, в рамках своих тренировок перед футбольным сезоном.

Лицо Трик расплывается в широкой улыбке. Наверное, с пирсингом это ужасно неудобно. Кажется, что кольцо так сильно натянуло ей губу, что кожа сейчас порвется.

– Да неужели?

Трик идет дальше, и я следую за ней. Ее плечи двигаются вверх и вниз так, словно она смеется, но на этот раз она не издает ни звука.

Мы приходим в раздевалку, где она выделяет мне шкафчик, и я кладу туда свою сумку.

– Я так понимаю, ты раньше бегала? Какое у тебя время?

Кажется, мои квалификационные времена ее немного впечатляют.

– А где ты тренировалась? – спрашивает она.

– Нигде. Я просто люблю бегать.

Она мягко дотрагивается до меня рукой:

– Ты хочешь мне сказать, что никогда специально не тренировалась? Ты добилась такого времени тем, что *«просто бегала»*?

Я пожимаю плечами:

– Ну и еще я люблю бокс.

– Бокс, – повторяет Трик таким тоном, словно я только что сказала ей, что небо не голубое. – Ты бегаешь и занимаешься боксом.

Она снова оглядывает меня сверху вниз, потом обходит вокруг и щупает мои икры и бедра, сильно проминая их пальцами. Завершив обход, она поворачивается ко мне лицом. Наши глаза находятся почти на одном уровне – ее лишь чуть-чуть ниже, чем мои.

– Если ты будешь тренироваться со мной по три часа в день пять дней в неделю, то я сокращу твое время на десять минут.

Я улыбаюсь. Я знала, что она мне понравится!

– Договорились!

Я иду следом за ней к силовым тренажерам, замечая, как изгибаются ее накачанные икры при каждом шаге. Я вспоминаю слова Мейсона о том, что люди вроде меня не могут быть спортсменами. Трик – явно спортсменка, а она выглядит гораздо эксцентричнее, чем я. Зачем Мейсон вообще это сказал? Просто чтобы меня позлить?

Когда Трик доводит меня до предела моих возможностей – о которых я даже не подозревала, – я забываю обо всем на свете. Я уверена, что завтра у меня будут чудовищно болеть все мышцы, но раз уж я уже согласилась на продолжение, то придется с этим смириться.

Я уже начинаю сомневаться в своем рассудке, когда Трик наконец объявляет, что с силовыми тренировками на сего-

дня покончено. И указывает на беговые дорожки, выстроенные вдоль стены, с рядом телевизоров над ними.

– Я уже запрограммировала тебе девятую дорожку. Просто нажми на кнопку «Старт». Сегодня не больше пяти километров! Я не хочу, чтобы ты чересчур переусердствовала.

Я приподнимаю брови, а она смеется:

– Не волнуйся, здесь классные массажисты. Боссы сказали, что у тебя есть доступ ко всему, что захочешь. Бонус от знакомства с владельцами, наверное.

Трик подмигивает мне и легонько подталкивает к беговым дорожкам.

Я ругаю себя за то, что оставила плеер в сумке, но к этому моменту у меня уже нет сил на лишние шаги. Я даже не уверена, что смогу пробежать пять километров – хотя в любой другой день это для меня пара пустяков.

Хорошо, что тут есть телевизоры, но кажется, один телевизор рассчитан на четыре дорожки. Надеюсь, какой-нибудь идиот не успел включить канал о погоде или что-нибудь в таком духе.

Пока я ищу девятую дорожку, я обнаруживаю, что почти все дорожки уже заняты – хотя их не меньше двадцати. Интересно, кем работают все эти люди, которые могут уйти с работы в разгар рабочего дня? Большинство клиентов – мужчины. Они, наверное, топ-менеджеры или специалисты по продажам – судя по тому, что все они разговаривают по телефону через беспроводные гарнитуры. Какое облегчение,

что все они слишком заняты, чтобы на меня смотреть.

Я подхожу к нужной дорожке: это большая элегантная беговая дорожка, которая выглядит более замысловатой, чем остальные. Я встаю на дорожку и нажимаю на большую зеленую кнопку «Старт». Дорожка приходит в движение, медленно разгоняясь до пяти километров в час. Для меня это комфортная скорость ходьбы, что дает возможность осмотреться.

Слева от меня пожилая женщина с большим трудом бежит со скоростью шесть километров в час, пот ручьем течет у нее со лба, а тяжелый живот колыхается при каждом вдохе. Надо отдать ей должное за то, что она вообще сюда пришла. Уверена, что если она не бросит заниматься, то очень скоро избавится от своего живота.

Передо мной расположен огромный телевизор – предназначенный для моего комплекта дорожек. Когда я вижу выбранный канал, я закатываю глаза. Включен спортивный канал. Впрочем, для спортзала это типично. Я рукой нащупываю кнопки управления телевизором на пульте своей дорожки. Я переключаю каналы, пока не нахожу что-то стоящее. Это программа про средневековые замки в Шотландии, но у меня нет наушников, поэтому я просто восхищаюсь их красотой и с нетерпением жду, когда снова смогу вернуться к своей вольной жизни вместе с Чарли.

– Извини, – справа раздается низкий, запыхавшийся, очень мужественный голос, от которого я вздрагиваю, – но

вообще-то я смотрел ESPN⁵. Кто первый пришел, тот и выбирает, что смотреть, знаешь ли.

При звуке его голоса я ненадолго прикрываю глаза. И чуть не спотыкаюсь, потому что скорость моей дорожки постепенно увеличивается, пока не достигает стабильной скорости бега. Мне не надо оборачиваться. Даже хотя он запыхался, я узнаю его голос повсюду.

Я заставляю себя не оборачиваться и не смотреть на него. В зеркале я вижу, что он без футболки. И весь вспотел. И он очень, очень накачанный.

Я ругаю себя. *Почему меня вообще это волнует?*

Я уступаю и возвращаю предыдущий канал, надеясь, что это его успокоит и он снова переключит внимание на телевизор, а не решит со мной поговорить.

– Спасибо, Пайпер.

Мейсон прикасается к пульта управления своей дорожки и замедляет свою головокружительную скорость до моей.

Я киваю и делаю вид, что меня интересует спортивная передача, в то же время страстно желая, чтобы время ускори-лось и я наконец смогла добраться до душа и подставить свои ноющие от напряжения мышцы под горячую воду.

Несколько минут мы сохраняем молчание. Мейсон больше не смотрит ESPN. Он смотрит на меня. Я чувствую, как его взгляд прожигает мою кожу, и больше не могу это выдерживать.

⁵ Популярный спортивный канал.

– Что?! – рывкаю я, бросая на него быстрый взгляд.

– Ничего... Господи! – Он вытягивает руки ладонями вверх и пожимает своими широкими плечами, на одном из которых теперь висят его наушники. – Я просто подумал, что ты могла бы меня поблагодарить, только и всего. Трик просто обалденная, правда ведь?

– И что, ты считаешь, что теперь я тебе что-то *должна*? В этом все дело?

Я раздумываю, не остановить ли дорожку и не покончить ли сразу со всей этой дурацкой затеей.

– Потому что если да, то я уйду прямо сейчас. Я никому ничего не должна. Никогда.

Мейсон выглядит обескураженным.

– Нет, Пайпер. Ты ничего мне не должна. Ну, может, кроме «спасибо». Знаешь ли, некоторые люди иногда делают что-то по доброте душевной, а не из эгоистичных побуждений.

– Как показывает мой опыт, это не так, – возражаю я.

Мейсон прищуривается, а его тон смягчается:

– Ну, значит, у тебя был неправильный опыт.

Если бы он только знал!

– Ну значит, неправильный.

Как же жаль, что у меня сейчас нет наушников, чтобы заглушить его голос! Чтобы заглушить весь мир, чтобы я могла спокойно заняться тем, что у меня получается лучше всего.

Беговая дорожка Мейсона пищит, а затем замедляется –

его программа завершена. Чувство облегчения, охватывающее мое тело, кажется, можно потрогать рукой. Но длится оно недолго, потому что Мейсон не сразу сходит с дорожки. Вместо этого он пристально смотрит на меня, его любопытный взгляд прикован к небольшой татуировке у меня за ухом. От того, как он ее изучает, мне становится не по себе. Я поднимаю руку и распускаю волосы, так что они спадают мне на плечи и закрывают эту личную часть моего тела.

Мейсон, кажется, упал духом.

– До встречи, Пайпер.

Он берет с рукоятки дорожки полотенце и перекидывает его через плечо.

В зеркале за телевизорами я вижу, как он уходит. Его голубые шорты промокли от пота и плотно прилипли к ягодицам. Его широкая спина занимает больше пространства, чем спины двух мужчин обычного размера, вместе взятые. Мышцы напрягаются, когда он наклоняет голову то в одну, то в другую сторону, а торс сужается в тонкую талию. Потом я опускаю взгляд на его икры. Мышцы рельефные, накачанные и сильные – даже когда он останавливается и с кем-то заговаривает.

– Неплохо, да?

Я вздрагиваю от женского голоса и осознаю, что женщина на соседней дорожке – уже снизившая скорость до ходьбы – поймала меня на том, что я пялюсь на Мейсона.

Я возвращаюсь из того мира, в котором вдруг очутилась,

и отвечаю:

– Пожалуй. Если, конечно, вам такое нравится.

– Милая, а кому такое не нравится? – Ее задумчивый взгляд пронзает меня в зеркале. – Ну только если ты не лесбиянка. Я знаю, что это сейчас модно среди молодежи. Я спокойно к этому отношусь. Вообще-то моя племянница – лесбиянка. – Женщина улыбается: – Кстати, она примерно твоего возраста...

– Нет, мэм, я не лесбиянка, – прерываю я ее. *Почему меня все время об этом спрашивают?* – Просто он меня не интересуется, только и всего.

– Ой, как жаль, – говорит она. – Молодой мистер Лоуренс – отличный парень. И весьма хороший футболист в придачу. – Она вытирает лоб полотенцем. – Он всегда такой сосредоточенный. Я много раз видела его на беговой дорожке, но ни разу не видела, чтобы он вытащил из ушей наушники. – Она подмигивает мне. – До сегодняшнего дня.

– Он друг семьи, – объясняю я.

Она с улыбкой кивает:

– Понятно. Тогда это все объясняет. Ну, хорошей тебе пробежки.

– Спасибо.

Я наблюдаю в зеркале за тем, как она проходит мимо Мейсона, который теперь разговаривает с Трик. Мейсон встречает мой взгляд и улыбается. Я тут же возвращаю взгляд на экран телевизора и листаю каналы, пока снова не нахожу

программу про средневековые замки.

Пробежав пять километров, я направляюсь к раздевалке, но обнаруживаю, что Мейсон все еще беседует с Трик. Я пытаюсь прокрасться мимо них, но они стоят прямо у меня на пути. Мейсон протягивает мне свою бутылку с водой:

– Кажется, тебе сейчас не повредит.

Я брезгливо смотрю на бутылку:

– У меня есть своя вода. Спасибо.

– Как скажешь. – Он допивает воду и выбрасывает бутылку в ближайшую урну. – Так что, ты правда считаешь, что победишь меня в марафоне?

Я бросаю взгляд на Трик, которая с интересом следит за нашим разговором. Она широко раскрывает глаза и кивает, что прибавляет мне большую дозу уверенности.

– Ага. Думаю, смогу.

– Хочешь заключить дружеское пари? – предлагает Мейсон.

По сравнению с моим скромным банковским счетом, его счет, скорее всего, выглядит баснословным. Я качаю головой:

– Нет уж.

– Ой, да ладно! – Он пихает меня своим потным локтем, и внутри у меня происходит нечто странное. – Если ты так уверена, что выиграешь, то какая тебе разница?

– Разве ты еще недостаточно богат, Мейсон? Не понимаю, зачем тебе выигрывать у меня пятьдесят баксов – что, кстати,

пожалуй, больше, чем я могу себе позволить.

– Я говорю не про деньги, Пайпер. К *деньгам* я отношусь очень серьезно. Я говорю про свидание.

Он смотрит на Трик и подмигивает ей, потом снова возвращает внимание на меня.

– Если я выиграю, ты пойдешь со мной на свидание.

Уверенность покидает меня, и я, кажется, бледнею. Я стараюсь быстро прийти в себя.

– Я думала, ты не ходишь на свидания.

– Верно. Тем сильнее стимул меня победить.

Я изо всех сил стараюсь сохранять хладнокровие.

– Свидание с тобой – не награда, Мейсон.

Я ни за что не пойду с ним на свидание. Да и ни с кем другим, если уж на то пошло.

– Но раз уж мы об этом заговорили, что получу я, если выиграю?

Мейсон смеется над моим выпадом:

– А чего ты хочешь?

Пока он ждет ответа, на его лице появляется умопомрачительная улыбка.

Не могу поверить, что я вообще об этом раздумываю. Я не настолько глупа, чтобы заключать пари с мужчиной. Но – черт побери! – я ужасно хочу его победить. Я хочу стереть с его лица эту эгоистичную самоуверенную ухмылку. Я смотрю на Трик. Она улыбается, поднимает вверх пальцы обеих рук и молча произносит одними губами: *«Десять минут»*.

Набравшись смелости от поддержки Трик, я выдыхаю и соглашаюсь:

– Ладно. Только можно я чуть позже отвечу, чего я хочу?

– Я тебе вот что скажу, Принцесса. Тебе необязательно выбирать свою награду сейчас. Это совершенно не важно, потому что у тебя нет ни малейшего шанса выиграть, но если ты вдруг выиграешь – ты получишь все, что захочешь. Что угодно.

Я закатываю глаза от слов этого самовлюбленного засранца. Как будто он действительно может дать мне то, чего я хочу. Как это типично для мужчин – думать, что они могут прибежать и всех спасти.

На уставших ногах я плетусь мимо него в раздевалку и в последний раз оборачиваюсь:

– Для начала перестань называть меня Принцессой.

Глава 6. Мейсон

И о чем я только думал, когда заключал пари с Пайпер Митчелл? *Какое свидание?* Я уже два года не был на свидании. Я ни с кем не хочу идти на свидание, не говоря уже о женщине, которая приводит меня в бешенство при каждом удобном случае.

Пока моюсь в душе, я размышляю о том, как избегал ее в спортзале всю оставшуюся неделю. Я даже перенес утренние тренировки на дневное время. Мне нужно сосредоточиться на своей основной задаче: стать сильнее, натренированнее, заслужить ту позицию, которую я хочу получить.

Наблюдение за Пайпер на беговой дорожке слишком отвлекало. Мне приходилось замедляться, когда она бежала рядом. Клянусь богом, когда я чувствовал ее запах, он вызывал в моем теле ощущения, которые мне приходилось сознательно игнорировать – иначе я бы сгорел от стыда в спортзале, в котором занимаюсь – да что там, в спортзале, которым я, черт побери, *владею!* Если бы я продолжал бежать в нужном мне темпе, то начал бы спотыкаться о свои собственные ноги.

Когда я закончил пробежку и заметил у нее за правым ухом сексуальную татуировку в виде черной розы, я чуть не потерял над собой контроль. Я оставил ее спокойно тренироваться, но мой взгляд снова и снова возвращался к ней. Я

изо всех сил старался на нее не смотреть, но ее тело притягивало меня к себе словно магнит, и я совершенно не мог оторвать от нее глаз. Мне нужно было на нее смотреть. Мне нужно было видеть, как ее подтянутая задница подпрыгивает при каждом шаге. Я не мог оторвать глаз от ее соблазнительной груди в зеленом спортивном топе под цвет ее глаз.

Черт!

Прежде чем я успеваю полностью осознать, что происходит, я обнаруживаю, что у меня стояк. Этот поезд уже не остановить, так что я продолжаю фантазировать и позволяю своей левой руке приняться за дело. Я представляю, как Пайпер смотрит на меня своими изумрудными глазами и облизывает губы, предвкушая, как полностью возьмет мой член в рот. Я представляю себе слабое мимолетное поблескивание бриллиантика в ее пирсинге, когда наблюдаю за тем, как она меня ласкает. Я почти чувствую, как ее мягкие, полные губы обхватывают мой член, а язык совершает круговые движения по его кончику.

Моя рука движется все быстрее, а пульс ускоряется. Другой рукой я опираюсь на стену, теплая вода стекает по моим плечам. Мой гортанный вскрик эхом отдается в душевой, когда я достигаю оргазма, а мое семя медленно утекает в отверстие в серой плитке душа.

Запыхавшись, я подставляю голову под воду и восстанавливаюсь после мощного оргазма. Потом я клянусь себе, что найду способ выбросить эту Принцессу из головы.

Скайлар открывает дверь таунхауса и обнимает меня в знак приветствия. Готов поклясться, что, встретив ее взгляд, я покраснел, как девчонка, вспомнив, как всего час назад кончил в душе, фантазируя о точно таких же сияющих глазах ее младшей сестры. Я заглядываю Скайлар за спину, чтобы выяснить, кто еще дома. Когда я замечаю, что свет выключен и никого больше нет, сердце у меня перестает так сильно биться.

– Ты не берешь с собой Эрона?

Скайлар игриво шлепает меня по руке:

– В тату-салон? Пожалуй, нет.

Она накидывает сумочку на плечо.

– Эрон сегодня у моих родителей.

А Пайнер? Чтобы не задать этот вопрос, мне приходится напомнить себе, что мне нет никакого дела до того, где она и с кем.

– Понятно. Пошли?

Я беру ее под руку, и мы вместе спускаемся по ступенькам. Мы поворачиваем налево и направляемся к метро. Сегодня я без машины. Я не знал, насколько безопасно будет оставить ее возле тату-студии. Я один раз встречался со Спайком – ее владельцем. Это он приходил в таунхаус и делал татуировку Эрин. Точно такую же татуировку, которую

он скоро нанесет на поясницу Скайлар – на то же самое место, что и у Эрин.

– Ты готова, Скайлар?

Она слегка подпрыгивает и с улыбкой поворачивается ко мне. Ее волнистые русые волосы собраны в небрежный хвост.

– О боже, Мейсон, да! Мне прямо не терпится! Как ты думаешь, Гриффин будет не против?

Я точно знаю, что он будет не против. У него самого две татуировки. Одна – на память о матери. Вторая – на память об Эрин. Думаю, он будет на седьмом небе от счастья, когда увидит татуировку Скайлар. Татуировки могут быть очень сексуальными, когда сделаны со вкусом. У меня самого нет татуировок, но не потому, что я что-то имею против них. Мне просто пока не встретилось ничего, что я хотел бы навсегда выгравировать на своей коже.

– Ему точно понравится. Это отличный подарок на свадьбу для него. И идеальный способ почтить Эрин. – Я осекаюсь, потому что к глазам подкатывают слезы. – Я очень тобой горжусь, Скайлар. Я тебе об этом говорил? Я думаю, что ты одна из лучших людей, которых я знаю, и я чертовски горд быть частью вашего свадебного праздника.

Скайлар останавливается, в глазах у нее стоят слезы, она кивает. Потом берет меня под руку, и мы спускаемся в метро.

Через двадцать минут Спайк достает трафарет для татуи-

ровки Скайлар.

– Я так и знал, что вы вернетесь, – говорит он, имея в виду, что Скайлар и Гриффин приходили сюда несколько месяцев назад, чтобы узнать про татуировку Эрин. – Садитесь вот сюда. Я принесу инструменты.

Спайк указывает ей на кресло, похожее на кресло для медицинского осмотра, только в этом, кажется, можно устроиться почти в любом положении.

– Если хотите, налейте себе кофе, – предлагает он, указывая на кофемашину в углу и большой выбор из всевозможных видов кофе рядом с ней.

Пока я выбираю себе кофе, на входной двери звонит колокольчик, и мы все непроизвольно поворачиваемся в ту сторону. Сердце начинает бешено биться у меня в груди, когда я вижу, что в салон заходит Пайпер. Не заметив меня, она обменивается с сестрой улыбкой.

– Я просто в восторге, что мне доведется это увидеть! – сообщает она Скайлар. – В детстве я от тебя натерпелась, так что я намерена насладиться каждой секундой этого процесса.

– Вранье! Я ничего плохого не делала, – фыркает Скайлар.

– Делала, да еще как! – язвит Пайпер, как капризный ребенок. – Вы с Бэйлор все время дергали меня за косички. Дошло даже до того, что я уговорила маму сделать мне короткую стрижку.

– О боже, я совсем про это забыла! – Скайлар прикрыва-

ет рот рукой, чтобы не было видно, что она улыбается. – Теперь вспомнила. Мы гонялись за тобой по полю за нашим домом. Пайпер, мне очень жаль. Ты когда-нибудь сможешь меня простить?

– Может быть, – отвечает Пайпер, повышая голос, чтобы Спайк ее услышал: – Все зависит от того, насколько громко ты будешь вопить.

Спайк хихикает, и все смеются. Я наблюдаю за их разговором, переходящим в добродушное подшучивание двух сестер, которые в детстве явно были очень близки. Интересно, почему Пайпер решила уехать? У них прекрасная, дружная семья. Пайпер в два счета могла бы получить здесь работу. Почему же она выбрала себе такую жизнь? Неужели яблоко действительно так далеко упало от яблони?

В Пайпер словно сосуществуют два человека. Одного я вижу сейчас, когда она разговаривает с сестрой. Это очаровательная, беззаботная, уверенная в себе путешественница, которая часто смеется. Но есть и другая сторона. Когда появляется мистер Хайд⁶, она превращается в упрямого енота, который борется за жизнь и уничтожает все на своем пути.

Я качаю головой, прогоняя от себя мысли, роящиеся у меня в голове. Мысли о том, как приручить дикого зверя. Стать ее защитником. Человеком, которому она сможет доверять.

⁶ «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» – повесть Роберта Стивенсона, главный герой которой обладает двумя отдельными личностями: доброй и злой.

Может быть, даже стать причиной, по которой она останется в Нью-Йорке.

Я возвращаю свое внимание к кофемашине и тут слышу ее беспощадный голос:

– А что *он* тут делает?

И мистер Хайд снова на сцене. Я беру свою чашку со свежеприготовленным кофе и направляюсь к сестрам.

– Вообще-то *он* уже уходит, – отвечаю я таким же злобным голосом.

Потом поворачиваюсь к Скайлар:

– Раз Пайпер пришла составить тебе компанию, то мне лучше уйти.

Я протягиваю свой кофе Пайпер.

– Вот, хочешь?

Она смотрит на чашку так, словно я предложил ей кубок с ядом. Потом достает из сумочки бутылку с водой.

Скайлар плаксиво вскрикивает:

– Что?! Нет! Ты обещал, Мейсон! Ты сказал, что будешь держать меня за руку. Вы оба мне тут нужны, иначе я сбегу, я точно знаю!

Она начинает подниматься с кресла. Я делаю глубокий вдох и шумно выдыхаю, поджав губы. Потом мягко опускаю ее обратно в кресло.

– Ладно. Я остаюсь.

Я обращаюсь к Спайку, который принес необходимые инструменты:

– Сколько, вы сказали, это займет?

Спайк ставит поднос рядом с креслом, на котором сидит Скайлар.

– Ну, татуировка не цветная, и дизайн довольно примитивный. Я бы сказал, два часа.

– Два часа?! – переспрашивает Пайпер, не веря своим ушам. Она бросает быстрый взгляд на меня и закатывает глаза.

Полностью с тобой солидарен, сестренка. Я хочу находиться в компании Пайпер Митчелл не больше, чем она хочет находиться в моей. Она просто ходячая неприятность. Социально опасный человек. Женщина на грани. Мне сейчас не нужны такие сложности. Не важно, сколько раз она появится в моих фантазиях.

Час спустя я одной рукой отвечаю на электронные письма и эсэмэс, а в другую мою руку мертвой хваткой вцепилась Скайлар. Болтовню сестер прерывают лишь редкие вскрикивания старшей сестры от боли. Я так долго смотрел на маленький экран, что у меня уже глаза на лоб лезут. Я кладу телефон в карман и встаю, чтобы немного размять ноги, – не отпуская при этом руки Скайлар.

И тут замечаю браслет на запястье у Пайпер. Я видел его раньше – в машине, когда встречал ее в аэропорту. И тут мне приходит в голову, что я ни разу не видел Пайпер без этого браслета. Пока ее внимание занято другими вещами, я рассматриваю его внимательнее. Кажется, он сделан из полосок

кожи, переплетенных вокруг амулета с изображением розы. Роза настолько темная, что почти неразличима. Весь браслет черного цвета – он выглядит почти готично, что противоречит яркому, трудноопределимому, божемному стилю одежды, который она предпочитает.

Внезапно Пайпер выдергивает левую руку из руки Скайлар. Она заметила, что я смотрел на браслет. Пайпер прячет руку под стол и дает Скайлар другую руку. Я вопросительно сдвигаю брови, но Пайпер не реагирует и возвращается к разговору с сестрой о том, в какие часы она будет работать в нью-йоркском ресторане «У Митчелла» в эти выходные.

О, это что-то новенькое. Она работает официанткой в их нью-йоркском ресторане? Значит, она будет работать бок о бок с тем официантом, которому она так приглянулась. Как там его зовут? Джейкоб? Ну тот, с татуировками.

– Джерод, – говорит Скайлар, внимательно глядя на меня из-за плеча.

Она мне подмигивает, и если бы земля могла поглотить стокилограммового квотербека, то я был бы сейчас этому очень рад. *Черт! Я что, правда сказал это вслух?!*

Я пытаюсь хоть немного сохранить лицо.

– Да, точно, Джерод. Кажется, он неплохой парень.

Я извлекаю руку из захвата Скайлар и разминаю ее, чтобы восстановить кровоснабжение.

– Мне нужно в туалет. Спайк?

Спайк указывает мне направление, и я как ни в чем не

бывало выхожу из комнаты, а все тихонько смеются.

Зайдя в туалет, я запираю дверь, подхожу к раковине, опираюсь на нее ладонями и вешаю голову. Потом смотрю в зеркало на незнакомого мне парня. На томящегося от любви мальчишку, запертого в теле взрослого мужчины. Я моргаю – один раз, второй... Потом признаю факты. Я хочу ее. Я хочу Пайпер Митчелл.

Я только не знаю, на что я готов, чтобы ее заполучить.

Глава 7. Пайпер

Я вздрагиваю и просыпаюсь. Пот стекает у меня между грудей, а футболка, в которой я сплю, промокла насквозь. Я пытаюсь стряхнуть с себя ночной кошмар, но тут осознаю, что это вовсе не кошмар. Это малыш Эрон кричит в детской во все свое младенческое горло. Я крепко закрываю глаза и жду, когда этот нескончаемый плач прекратится. Плач продолжается. Я переворачиваюсь на бок и накрываю голову подушкой, покрепче прижимая ее к ушам, чтобы заглушить шум.

Все бесполезно. Мне больше не заснуть. Я сажусь на край кровати, извергая проклятия в адрес Трик и своих гудящих мышц. Я тренируюсь уже две недели, и кажется, что у меня болят даже волосы. Я встаю и смотрю на себя в зеркало – на плечах появился намек на выраженные мышцы. Рукам-то зачем быть сильными? Я же участвую в забеге!

Я быстро натягиваю на себя спортивную форму и хватаю сумку. Потом спускаюсь по лестнице и по пути к выходу хватаю из вазы с фруктами банан.

– Пока! – кричу я и выхожу из дома.

Не уверена, что кто-то меня услышал. Эрон все еще вопит.

По пути в спортзал в голову мне начинают лезть плохие мысли, и я ловлю себя на том, что разглядываю незнакомые

лица прохожих. Я наблюдаю за выражениями лиц мужчин моего возраста, когда они встречаются со мной взглядом. *Они меня узнают?* Я роюсь в своих снах и воспоминаниях, прямо как ФБР запускает распознавание лиц преступников. Видела ли я этих людей раньше?

Чувствуя, как моим напряженным телом овладевает паника, я ускоряю шаг. Жду не дождусь, когда наконец доберусь до беговой дорожки и забуду обо всем остальном.

* * *

Через несколько часов, когда мой разум успокоился, а ноги превратились в желе, я принимаю душ, потом беру сумку и выхожу из раздевалки. Когда я выхожу из спорткомплекса, Трик поднимает большие пальцы вверх. Она словно знала, что мне сегодня было нужно. Мы боксировали на ринге, и я была в ударе. Трик неплохо меня отделала, но могу сказать, что и я заставила ее попотеть. Несмотря на то что моему телу сегодня изрядно досталось, я улыбаюсь.

Но когда я по рассеянности натыкаюсь на какого-то человека у входа в зал, моя улыбка тут же испаряется, а кровь отливает от лица.

– Ой, девушка, простите, – произносит мужчина, не узнавая меня – он поднимает книгу, которую уронил при нашем столкновении.

Я хочу уйти, но ноги меня не слушаются. Когда я смотрю

на него, у меня закипает кровь. Хотя мои кулаки сегодня хорошо поработали, я крепко сжимаю их и думаю, не отметить ли старого мерзавца. Единственное, что удерживает меня от того, чтобы на него наброситься, — это мысль о том, что мы находимся прямо перед входом в спортзал, которым владеют мои зятья. Нелестная информация в новостях может навредить их бизнесу. Информация в новостях также может привлечь внимание ко мне, а этого я допустить не могу.

Прежде чем я успеваю опомниться и уйти, мужчина выпрямляется. Теперь кровь отливает и от *его* лица тоже, но, как мы оба знаем, это происходит по совсем другой причине. Я испытываю ярость, а он — стыд.

— Пайпер?

Я поворачиваюсь к нему спиной и приказываю своим ногам двигаться.

— Пайпер Митчелл, это ты?

Ноги медленно уносят меня прочь от него.

— Пайпер, я знаю, что это ты! Подожди, пожалуйста. Поговори со мной.

Не останавливаясь, я оборачиваюсь и громко и четко произношу:

— Мне нечего вам сказать, мистер Тейт.

Он хватается меня за руку, и я застываю, словно оказалась в одном из своих кошмаров.

— Пайпер, я всего лишь хочу узнать, все ли с ней в порядке. Пожалуйста, если не хочешь говорить, где она, то хотя бы

скажи, что она жива и здорова.

Я дерзко – что совсем не похоже на то, что происходит в большинстве моих снов, – вырываю руку.

– Вы что, шутите?! У вас правда хватает наглости спрашивать, в порядке ли она? Может, если бы вам было на это не плевать десять лет назад, она *была бы* в порядке.

Он ахает, в глазах у него появляются слезы. У этого мерзавца нет никакого права плакать! Я качаю головой и снова пытаюсь уйти. Он удерживает меня, с силой схватив за плечи.

– Она умерла? О боже, что я наделал?!

Чьи-то большие руки отрывают мистера Тейта от меня и прижимают к кирпичной стене здания с такой силой, что на спине у мерзавца наверняка останутся синяки.

– У вас проблемы? – Мейсон обращается ко мне, но его рассвирепевший взгляд прожигает глаза мистера Тейта.

Я облегченно выдыхаю:

– Нет, никаких проблем. Он уже уходил.

Я иду в противоположном направлении – обратно в зал, там я чувствую себя в безопасности. Потом останавливаюсь – слова раскаяния мистера Тейта на меня подействовали. Я ругаю себя за то, что сейчас сделаю. Я подарю ему спокойствие. Он этого не заслужил, но я все равно это сделаю. Я ненадолго оборачиваюсь.

– Ответ – нет, она не умерла.

И проскальзываю в дверь, прежде чем услышу от него еще

хоть слово мольбы. Я уверена, что Мейсон не позволит ему последовать за мной. Даже мистер Тейт не настолько глуп, чтобы вступить в конфронтацию с профессиональным футболистом. К тому же он вдвое старше Мейсона. Он выглядит старым. Очень старым. Так, словно состарился не по годам под бременем того, что он сделал. Вот и хорошо, он это заслужил. Он заслужил это даже больше страданий.

Сумка съезжает у меня с плеча, потому что я наклоняюсь и упираюсь ладонями в колени, словно меня ударили в живот.

– Ну почему все мужчины считают, что им можно тебя либо бросить, либо причинить тебе боль? – спрашиваю я, обращаясь в пустоту.

– Этот мудак причинил тебе боль? Кто он такой?

При звуке голоса Мейсона я прикрываю глаза. В панике я даже не осознала, что он стоит рядом со мной.

Мое молчание лишь разжигает его злость.

– Точно, так и есть! Черт, я его сейчас убью! – восклицает Мейсон и направляется к выходу.

– Нет! – кричу я, останавливая его. – Не в этом дело, оставь его в покое.

Мейсон возвращается, своей массивной рукой берет меня за подбородок и осторожно приподнимает голову, пока мы не встречаемся взглядами.

– Пайпер, ты в порядке?

Я неуклюже киваю и делаю несколько глубоких вдохов

и выдохом, чтобы успокоиться. Потом дрожащими руками поднимаю сумку с пола и надеваю ремень на плечо:

– Мне пора.

Мейсон без каких-либо усилий забирает у меня сумку.

– Ты не в состоянии никуда идти, Принцесса. – Он берет меня под локоть и ведет в кафе спорткомплекса. – И я тебя не отпущу. Тебе нужно сесть, выпить кофе и что-нибудь съесть.

– Может, уже прекратишь называть меня Принцессой? Какого черта ты вообще это начал? И почему ты считаешь, что знаешь, что мне нужно? – дуюсь я, останавливаясь на полпути.

– Я прекрасно знаю, что тебе нужно, потому что мне хорошо известно, что у тебя только что была изнурительная тренировка, от которой ты выдохлась и ослабла. Мне известно, что после вышеупомянутой тренировки у тебя была, по всей видимости, довольно напряженная встреча с тем мудаком. Мне также известно, что ты чертовски упряма и ни за что не станешь никого слушать – сколь бы правдивыми ни были их слова. И я называю тебя Принцессой потому, что именно ею ты и являешься: ты путешествуешь по миру за папочкин счет, и тебе совершенно насрать, какое влияние это оказывает на других.

Я осознаю, что пока Мейсон все это говорил, он вел меня в кафе, и теперь мы стоим перед диванчиком в задней его части. Он подталкивает меня к дивану.

– Так чем же мне тебя накормить, *Пайнер*?

– Тыфу ты!

Я пытаюсь уйти, но он загнал меня в угол. Но я четко осознаю, что не испытываю паники. Наоборот. Удивительно, что я чувствую себя в такой безопасности, когда он надо мной нависает.

– Я не путешествую по миру за папочкин счет, – вру я. – Я решила потратить на путешествия деньги, отложенные на мое обучение.

– Что в лоб, что по лбу, – отвечает Мейсон, набирая что-то на телефоне. – Все равно эти деньги из одного источника. Я слышал о том, куда ты ездила. Я знаю, сколько что стоит. Деньги на твое обучение давно закончились, Пайпер. Если, конечно, твои родители не думали, что ты будешь изучать медицину в Гарварде.

Я открываю рот, пораженная его дерзостью. У меня нет настроения с ним спорить, особенно если учесть, что он прав. Поэтому я скрещиваю руки на груди и откидываюсь на спинку дивана. Посидеть и правда неплохо. Но я не собираюсь ему в этом признаваться.

Через две минуты нам приносят кофе и пару бутербродов. Глядя на еду, я ухмыляюсь, осознав, что Мейсон сделал заказ по телефону.

– Ты что, в плен меня взял?

Я морщусь, как только слова слетают с моих губ.

– Нет. – Мейсон садится рядом со мной, оставляя между нашими бедрами почтительное расстояние. – Я просто на-

стаиваю, чтобы ты поела – тебе нужно восстановить силы, чтобы смочь отбиваться от грабителей на улице.

Я уступаю и беру сэндвич с индейкой.

– Он не грабитель.

– Тогда кто он такой? Я не позволю тебе уйти, если ты в опасности.

Мейсон делает глоток кофе и протягивает руку к своему сэндвичу. Он нерешительно смотрит на меня, борясь с собой. Потом его взгляд меняется, и на лице появляется теплое, подбадривающее выражение. Такое выражение бывает у моих родителей и сестер. Это выражение заботы.

– Я знаю, что с тобой что-то случилось. Этот человек как-то с этим связан?

Услышав его слова, я замираю. *Мейсон знает?* Но откуда? Я обдумываю альтернативы. Я едва знаю Мейсона и не обязана ничего ему рассказывать. Я пристально смотрю на него. В нем есть что-то, что располагает к нему людей. Мейсон – огромный парень, но при этом кажется очень нежным. Его голубые глаза умоляют меня ответить ему.

– Я тебя не отпущу, пока ты мне не расскажешь, Пайпер.

Ну, по крайней мере, он не назвал меня *Принцессой*. Мейсон протягивает мне мой нетронутый кофе. Я протягиваю к нему руку, но с силой сталкиваюсь с рукой Мейсона, чашка переворачивается и отлетает к другому краю столика, а горячая жидкость чуть не обжигает нам обоим руки.

– Черт! Прости, – говорит Мейсон, думая, что это его ви-

на. – Ты не обожглась?

Он проводит ладонью по моей руке, осматривая ее. Мой первый порыв – отдернуть руку. Каждая клеточка моего тела кричит, чтобы я это сделала. Но я позволяю Мейсону себя осмотреть, а сердце при этом бешено колотится у меня в груди. Я позволяю ему перевернуть мою руку и осмотреть ее от локтя до кончиков пальцев, потому что его прикосновение ощущается иначе. Я никогда такого не испытывала.

Мейсон заканчивает осмотр и делает знак официанту, чтобы тот вытер стол.

– Я принесу тебе другой кофе.

– Нет, не нужно. – Я молюсь, чтобы он не заметил, как дрожит у меня голос. Я достаю из сумки бутылку с водой. – У меня есть вода.

Не знаю, что именно меня убедило, но за долю секунды я решаю ему довериться. Может, это из-за его бережного прикосновения. Может, из-за того, что с ним я чувствую себя в безопасности. Может, мой рассказ его удовлетворит, и он от меня отвалит. Но если я ему расскажу, не подставляю ли я Чарли?

– Об этом никто не знает, – произношу я, мысленно прося у Чарли прощения. Она поймет. Я в этом уверена. – Никто, кроме меня, моей лучшей подруги и моей мамы.

Мейсон в задумчивости ковыряет свой сэндвич, словно то, что я сейчас скажу, может причинить ему боль.

– Понял. Ты можешь мне рассказать.

Я оглядываю кафе, чтобы убедиться, что мы одни.

– Тот человек – отец Чарли.

– Отец Чарли?! – Мейсон гневно хмурит брови. – Он что-то с тобой сделал? Или с ней?

– И да, и нет. То есть с ней, а не со мной, – запинаясь, произношу я. – В смысле, он ничего не сделал с ней. Скорее, он не сделал того, что должен быть сделать.

В глазах Мейсона я вижу непонимание и вопрос.

– Это длинная история, – говорю я.

Мейсон бросает сэндвич и откидывается на спинку дивана.

– Я никуда не спешу. У меня времени вагон и маленькая тележка.

Поверить не могу, что собираюсь раскрыть эту тайну, можно сказать, незнакомцу. Ну что я знаю про Мейсона Лоуренса? Кроме того, что мне рассказывали сестры, и того, что я науглила про него в последние недели – я мысленно закатываю глаза, – я его почти не знаю. Но все статьи, все истории, которые я слышала от друзей и родных, сходятся в одном: Мейсону можно доверять. Он честный и искренний парень, если такие на самом деле существуют. И где-то глубоко внутри я с этим согласна.

– Он оставил Чарли и ее маму, когда Чарли было двенадцать.

Я осмеливаюсь поднять взгляд на Мейсона. Он ничего не говорит. Взглядом он приглашает меня продолжать:

– Ее мама была знаменитостью. Манекенщицей и актрисой. Но после рождения Чарли ей не продлили контракт манекенщицы и перестали предлагать роли. Она увлеклась наркотиками и алкоголем. И она... м-м-м... винила Чарли в том, что у нее больше не было работы.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «*винила*»? – спрашивает Мейсон.

– Именно то, что говорю. Она ее била. Она била Чарли. Когда я рассказываю Мейсону секрет Чарли, у меня учащается пульс. Надеюсь, Чарли меня за это не проклянет.

Мейсон раздумывает о моих словах и смотрит на меня поверх своей кофейной чашки.

– И он об этом знал?

Я киваю:

– Да, мы в этом почти уверены. Чарли однажды услышала, как они ругались по этому поводу. Ее мама угрожала отцу. Сказала, что, если он скажет кому-нибудь хоть слово, его карьера придет конец. Он был начинающим сценаристом и пытался продать свои сценарии, а у нее было достаточно влияния, чтобы ему помешать.

– Значит, он предпочел карьеру собственной дочери?! – Мейсон сжимает руку в кулак и бьет по столу так, что все стоящие на нем предметы подпрыгивают: – Вот говнюк!

И тут я вспоминаю нечто, что совсем вылетело у меня из головы. У Мейсона есть дочь. Я никогда не видела их вместе, так что до этой минуты мне не приходило в голову, что он

отец. Сейчас он, наверное, представляет, как кто-то причиняет боль его дочери. Я прогоняю эту мысль из головы, не хочу даже думать об этом.

– Поэтому Чарли захотела после школы уехать из страны? – Мейсон в недоумении качает головой. – Но ведь теперь она взрослая женщина. Мать больше не сможет доставить ей неприятностей.

Он резко ставит чашку на стол, и кофе выплескивается через край.

– Подожди-ка... *твоя мама* об этом знала?

Я машинально кладу руку ему на плечо, чтобы его успокоить. Но тут же одергиваю руку, почувствовав искру, пробежавшую между его плотью и моей. Я игнорирую непривычное чувство в животе и объясняю:

– Мама обо всем узнала только после того, как все закончилось и мы уже готовились уехать за границу. В любом случае она ничего не могла бы сделать. Чарли попросила ее хранить молчание, сказала, что будет все отрицать, если мама об этом заявит. Было бы слово Чарли против ее слова.

– Но зачем ей так долго жить за границей? Почему она не могла просто уехать из дома и начать жить отдельно, когда ей исполнилось восемнадцать?

– Потому что это еще не конец истории, – сухо отвечаю я, стараясь подавить свои эмоции.

– Блин, – произносит он, ерзая на месте.

Потом кладет свою большую руку на диван у меня за го-

ловой, не прикасаясь при этом ко мне. Мейсон даже незнаком с Чарли. Он и меня-то едва знает, но в его глазах я вижу беспокойство и тревогу. Он кивает на мою бутылку с водой:

– Хочешь чего-нибудь покрепче?

Я тихонько фыркаю от смеха и качаю головой:

– Ты что, забыл? Я же тренируюсь. Никакого алкоголя.

– Да, точно. Подожди до нашего свидания, – с невозмутимым видом произносит он.

Я напрягаюсь. Он, наверное, понял, что задел меня за живое, поэтому быстро добавляет:

– Я пошутил, Пайпер. Так, значит, у этой истории есть продолжение?

Я медленно выдыхаю и потираю шею, чтобы избавиться от напряжения. Позади себя я чувствую руку Мейсона, она приближается ко мне, потом нерешительно отстраняется, словно ему приходится сдерживаться, чтобы не прикасаться ко мне. У меня учащается пульс, и я еще раз вздыхаю. Интересно, это от того, что он почти до меня дотронулся? Или от того, что он этого не сделал?

Я отодвигаю сэндвич, чувствуя дурноту от того, что собираюсь ему сказать:

– Мама Чарли была алкоголичкой. Она тусовалась с другими алкоголиками. Иногда парни, которых она приводила домой... вели себя с Чарли неподобающим образом.

– Черт, – еле слышно бормочет Мейсон. – Мне очень жаль.

Я киваю:

– Да, мне тоже. Но это случалось больше чем пару раз. Поэтому она не хочет возвращаться. Некоторые из тех людей были известными. Чарли не хочет рисковать встретиться с ними или со своей матерью – не хочет их видеть даже по телевизору. А за границей довольно легко обходиться без американского телевидения.

– Поэтому ты поехала с Чарли и с тех пор с ней путешествуешь? – спрашивает Мейсон.

– Чарли – моя лучшая подруга, – отвечаю я, крутя пальцами браслет, как я часто делаю, когда нервничаю. – Мы поддерживаем друг друга.

– Ты чертовски хорошая подруга, Пайпер.

Мейсон немного расслабляется, кажется, он успокоен тем, что я вне опасности. Его взгляд перемещается на тревожные движения моих рук.

– Это Чарли подарила тебе этот браслет?

– Угу.

Я кладу левую руку на диван рядом с собой – подальше от его пытливых глаз.

– Слушай, если допрос окончен, можно я пойду? У меня сегодня смена в ресторане.

Мейсон встает, но все еще перегораживает мне проход.

– А в каком ресторане? – спрашивает он и ждет ответа, прежде чем дать мне выйти.

– В ресторане Скайлар. Им больше всего нужна помощь.

Мейсон поджигает губы. Кажется, он расстроен. Потом он меня выпускает. Я начинаю двигаться к выходу, но его голос меня останавливает:

– Кстати, о Скайлар. Она должна была пойти со мной на благотворительный вечер, который «Джайентс» устраивают в эти выходные, но не сможет. У Гриффина какая-то грандиозная фотосъемка, и он хочет, чтобы Скайлар к нему присоединилась. Можешь меня выручить и сходить со мной на этот вечер?

Я смотрю на него так, словно у него выросла вторая голова.

– Я не хожу на свидания, Мейсон. И, насколько я знаю, ты тоже.

– Именно поэтому мне и нужно, чтобы кто-нибудь со мной пошел. Ну ты понимаешь, чтобы на меня не вешались всякие девицы. Соглашайся, Принцесса, вечеринка будет очень скромная.

Я ухмыляюсь:

– Кажется, мы договорились, что ты больше не будешь так меня называть.

Мейсон смеется:

– Не помню, чтобы мы об этом договаривались. Но я скажу тебе вот что: если ты со мной пойдешь, то обещаю, что буду называть тебя только по имени.

Не могу поверить, что я вообще об этом размышляю. О свидании с Мейсоном.

Нет, не о свидании. Если сначала с ним должна была пойти Скайлар, значит, речь точно не о свидании.

Потому что Мейсон не ходит на свидания.

Как и я.

Никогда.

– А в пользу какой благотворительной организации? – спрашиваю я, медля с ответом.

– Кажется, вырученные деньги пойдут на оплату усыновлений парам, у которых не хватает на это денег.

Сердце гулко стучит у меня в груди. Я закрываю глаза и набираю в легкие воздух.

– Ладно, – говорю я, выходя из спорткомплекса и думая о том, во что только что ввязалась.

Глава 8. Мейсон

Я подъезжаю к краю тротуара, ненадолго паркуюсь и выхожу из машины. Когда я закрываю дверцу, мне приходится схватиться за крышу машины, чтобы не потерять равновесие. Вот она, ждет на крыльце таунхауса Гриффина. Я наблюдаю, как она неуклюже ищет что-то в сумочке. Сегодняшний апрельский вечер не очень теплый, но ладони у меня тут же потеют, а дыхание становится неровным.

Мне хватит пальцев на руках, чтобы сосчитать, сколько раз я ее видел. Она всегда неплохо выглядела в спортивной форме или в смелых рубашках с расклешенными рукавами и в джинсах. Но при виде такой Пайпер у меня просто перехватывает дыхание.

На ней светло-голубое платье – никогда бы не подумал, что она наденет платье такого цвета. Могу предположить, что это платье ей одолжили. Наверное, одна из ее сестер специально подобрала Пайпер платье под цвет моих глаз. Оно не облегает каждый изгиб ее тела. Нет, все гораздо хуже. Это платье заставляет вас гадать, что скрывается под ним. Подол чуть-чуть не доходит ей до коленей, обнажая ее стройные ноги, а скромный вырез лишь слегка обнажает зону декольте. Это платье притягивает, но как бы ненамеренно. Оно совсем не в ее стиле, и я стараюсь сдержать смешок, когда вижу, как она неловко переминается с ноги на ногу на высоких

каблуках.

Я точно знаю, что о ней будут говорить на вечере. Она будет выделяться среди всех, как белая ворона. Но не по очевидным причинам, а потому, что она совсем не похожа на самовлюбленных женщин, которые там в основном будут. Пайпер словно обладает вечной красотой – она молода, но в то же время искушенна и практична, – я бы мог сказать то же самое о ком-нибудь вроде Одри Хепберн или Джеки Онассис⁷.

Надеюсь, что моя попытка провести с ней время не вызовет обратного эффекта. На секунду я задумываюсь о том, чтобы пропустить прием, уговорить Пайпер пойти со мной в уединенный ресторанчик, где я смог бы узнать ее получше. Куда-нибудь, где ей будет уютнее, чем в толпе фанатов и папарацци, охотящихся за каждым нашим шагом. Если я хоть что-то знаю о Пайпер Митчелл, так это то, что она не любит привлекать к себе внимания. Не знаю, о чем я думал, когда ее приглашал. Я сказал, что там не будет ничего особенного. Но дело в том, что это вечеринка «Нью-Йорк Джайентс», и даже несмотря на то что она будет скромной, все равно привлечет прессу и назойливое внимание со стороны.

Пайпер замечает меня, когда я подхожу к ней по тротуару. Потом она хватается за поручни, чтобы спуститься по лест-

⁷ Жаклин Ли Бувье Кеннеди Онассис – первая леди США с 1961 по 1963 год. Одна из самых популярных женщин своего времени, законодательница моды, красоты и изыска в Америке и Европе, героиня светской хроники.

нице. Я перепрыгиваю через две ступеньки, чтобы поддержать ее, пока она не свалилась со своих каблуков на безжалостный асфальт тротуара. Я протягиваю ей руку, но ее колкие слова останавливают меня:

– Я в состоянии самостоятельно преодолеть несколько ступенек, Мейсон. Это не свидание, если ты забыл.

Я убираю руку, но остаюсь рядом, готовый поймать ее, если она оступится.

– Да, точно. Не свидание. Ну конечно.

Надеюсь, что у меня не загорятся сейчас штаны, потому что, если верить биению моего сердца и тесноте в брюках, это самое настоящее свидание, а я просто наглый врун.

Пайпер, может, и не позволит мне помочь ей спуститься с крыльца, но я ни за что не позволю ей самой открыть дверцу машины. Я опережаю ее и качаю головой, заметив ее хмурый взгляд:

– Сделай мне одолжение, ладно? Я нацепил фрак, а ты... ну, ты выглядишь просто потрясающе. И мне не важно, свидание это или нет, я все равно придержу для тебя эту чертову дверцу. И буду это делать на протяжении всего вечера. Так что привыкай к этому, Принц... э-э-э... Пайпер.

По ее лицу пробегает тень улыбки, и она кивком разрешает мне открыть перед ней дверцу. Она неловко усаживается в низком кресле, следя, чтобы платье при этом не задиралось. Когда Пайпер наконец устроилась, я беру ремень безопасности и наклоняюсь, чтобы ее пристегнуть.

Пайпер останавливает меня рукой и забирает ремень у меня из рук.

– Я не ребенок, Мейсон. Я в состоянии сделать это сама.

– Прости, просто сила привычки, наверное.

Я закрываю дверцу и позволяю ей пристегнуться. Я солгал ей уже второй раз за сегодняшний вечер. Это не сила привычки, это была лишь отговорка, чтобы прикоснуться к ней, почувствовать ее запах. В ту секунду, когда я засунул голову в машину – всего в нескольких сантиметрах от нее, – у меня в венах словно начался фейерверк. Меня все еще окружает ее чистый женственный аромат, тонкий шепот живых цветов щекочет мне ноздри.

По пути к музею, где проходит благотворительный вечер, мне трудно следить за дорогой. Пайпер распустила волосы, ее темные волнистые локоны доходят ей до ключиц. Они кажутся такими мягкими, и я на секунду представляю, как они упадут мне на грудь, когда Пайпер сядет на меня верхом. Я ерзаю, надеясь, что она этого не заметит. Пайпер не замечает. Она смотрит в окно. Интересно, она когда-нибудь делает что-то еще, когда едет в машине?

Я включаю музыку, чтобы сгладить пронизывающее молчание, и мы почти всю дорогу не произносим ни слова. Пока я не замечаю, что она крутит пальцами браслет. Думаю, она всегда это делает, когда нервничает. Я пытаюсь разогнать ее страхи:

– Большое спасибо за то, что согласилась мне помочь,

Пайпер. Ты меня очень выручила. Я профессиональный спортсмен, поэтому мне приходится посещать некоторое количество мероприятий, но я почти всегда выбираю самые незаметные. Тебе не о чем беспокоиться, мы там пробудем всего пару часов. Все, что тебе нужно делать, – это стоять рядом со мной и делать вид, что ты хорошо проводишь время.

– Я делаю это не только ради тебя, – произносит Пайпер, ненадолго оторвав взгляд от окна и поправляя бретельку на платье. – Скайлар пригрозила, что отречется от меня, если я откажусь с тобой пойти. Она сказала, что для нее очень важно, чтобы я тебя не подвела.

– Ты хотела отказаться? – переспрашиваю я, стараясь скрыть разочарование в голосе, пока подъезжаю к парковщику.

Пайпер кивает:

– Я не очень люблю толпу.

– Но все равно хочешь пробежать Бостонский марафон, в толпе из... ах да, из тридцати тысяч человек?

Пайпер тихонько смеется и выходит из машины, когда парковщик открывает перед ней дверцу.

– Это другое, – произносит она так, словно это что-то объясняет.

Я беру парковочный номерок и предлагаю Пайпер руку, прежде чем мы выйдем со стоянки. Она смотрит на мою руку и перекатывает голову по плечам – подозреваю, что шея у нее ужасно напряжена от волнения. Если бы я мог просто

протянуть руку и помассировать пальцами ее обнаженные плечи, чтобы избавить ее тело от напряжения! Как бы я хотел прижать ее к себе, обнять за талию и сопровождать на благотворительный вечер как подобает. Мое тело дрожит от желания прикоснуться к ней. Но я знаю, что нельзя спешить. Пайпер пугливая. Осторожная. Потерянная. И если я хочу, чтобы у нас с ней что-нибудь получилось, мне надо набраться терпения. Должно быть, вся та хрень, которая произошла с Чарли, сильно на нее повлияла. Наверное, поэтому ей так трудно доверять мужчинам. Доверять *мне*.

Я опускаю руку и иду рядом с ней через стоянку автомобилей ко входу в музей, впервые за несколько лет чувствуя внутри себя пустоту и одиночество. Не понимаю, чем вызвано мое непрекращающееся желание заполучить эту женщину. Она не проявляет ко мне никакого интереса. Она никак не отреагировала на электричество, пронизывающее наши прикосновения. Может, она его не почувствовала? Может, меня во всем этом привлекает только погоня? Преследование кого-то, кто для меня недоступен? Или мне просто нужно покормить своего внутреннего зверя?

Нет. Дело не только в этом. Я без проблем могу найти себе девушку для секса. Да что там, готов поспорить, что даже на сегодняшнем вечере будет не меньше десятка женщин, готовых раздеться прямо тут на парковке, если я им только позволю.

– Вот ты где, мой сладкий!

Я морщусь, услышав высокий гнусавый голос, когда мы заходим через большие двойные двери в просторное фойе. Что и требовалось доказать.

Я с извиняющимся видом смотрю на Пайпер. Стоило бы подготовить ее к этому, но я правда не думал, что Кэссиди тут объявится. Я поворачиваюсь к своей бывшей девушке:

– Я же просил так меня не называть.

Она высокомерно отмахивается от моих слов и переводит свое внимание на Пайпер. Как и большинство присутствующих здесь женщин, на Кэссиди короткое облегающее платье, подчеркивающее ее покупное декольте. Ее запястья, шея и уши увешаны огромным количеством дорогих украшений. Она выпрямила волосы до предела – и, наверное, заплатила за это четверть месячных алиментов, которые я ей выплачиваю.

Кэссиди медленно, оценивающе разглядывает Пайпер с ног до головы, словно Пайпер – деревенский щенок на выставке породистых собак. Я мысленно отмечаю различия между двумя женщинами. Кэссиди – полная противоположность Пайпер. Пряди клубничного цвета в ее длинных светлых волосах, достигающих почти до талии, подчеркивают кричащий ярко-красный цвет ее платья. На ней толстый слой макияжа, а глаза подведены так сильно, что похожи на кошачьи. Помада – в тон платью, губы блестящие и влажные. Кажется, что после малейшего прикосновения ее губ всю одежду придется отправить в химчистку.

Пайпер же, напротив, выглядит юной. Невинной. Естественной. Она тоже накрасилась, но со вкусом, от этого кажется, что макияжа на ней совсем нет. Даже с иссиня-черными концами волос и крошечным пирсингом в носу она выглядит скромно и неброско по сравнению с хищницей, разглядывающей ее как свою добычу.

– И кто же эта Белоснежка с плохо окрашенными волосами? – обращается ко мне Кэссиди, приподнимая свои нарисованные брови.

Я сердито смотрю на нее. Я еще никогда не испытывал такого желания ударить женщину, как в эту секунду. Сердце у меня сжимается, и я ненадолго прикрываю глаза, упрекая себя за то, что притащил Пайпер в это логово змей. Неужели я настолько эгоистичен, что готов привести ее на это столпотворение только для того, чтобы провести с ней несколько коротких часов?

Я уже готов схватить Пайпер за руку и вывести отсюда, но тут она поворачивается ко мне и выпаливает:

– И кто же эта Барби с коллагеновыми губами и фальшивыми сиськами?

Хорошо, что я еще не успел взять себе напиток, иначе я бы точно забрызгал девушек. Я не могу удержаться от смеха – к большому неудовольствию Кэссиди. Я одобрительно киваю Пайпер – хорошо, что она способна дать отпор не только мне.

– Это Кэссиди Уитмейер, мать Хейли.

– Ах да, твоя бывшая жена. – Пайпер протягивает Кэссиди

руку для пожатия.

Та презрительно усмехается и полностью игнорирует протянутую ей руку.

– Девушка, – поправляю я Пайпер.

– А? – переспрашивает она.

– Кэссиди – моя бывшая девушка, а не жена. Мы не были женаты.

Я наклоняюсь к ней поближе и шепчу ей в самое ухо:

– Слава богу.

Готов поклясться, что заметил на теле Пайпер дрожь, вызванную моим теплым дыханием на ее шее.

– Понятно, – шепчет она мне в ответ. – Когда мои сестры говорили о твоей бывшей, я решила...

– Ну уж нет. Только не она.

Я неохотно отстраняюсь – я бы хотел, чтобы каждое мое дыхание было так же близко к пахнущей цветами коже Пайпер.

Кэссиди бросается вперед и встает между мной и Пайпер.

– А это кто?

Я не успеваю ответить, потому что Пайпер меня опережает:

– Никто. Я никто. Просто подруга.

Она с мольбой смотрит на меня и едва заметно качает головой. Я понимаю, что она не хочет, чтобы я называл ее имя, но убей не могу понять почему.

– А у этого *никого* есть имя? Она выглядит знакомой. –

Кэссиди обращается ко мне, полностью игнорируя Пайпер.

Пайпер хлопает ее по руке, и Кэссиди вопросительно смотрит на нее своими кошачьими глазами.

– Можешь называть меня Сноу⁸, – с невозмутимым видом произносит Пайпер.

Кэссиди злобно ухмыляется.

– Как остроумно, – произносит она.

Кажется, мне пора прекратить эту перепалку, пока Пайпер не почувствовала себя совсем не в своей тарелке. Как можно более дружелюбно, я спрашиваю у своей бывшей девушки:

– А с кем сейчас Хейли?

– С моей мамой, – отвечает она, все еще пристально глядя на Пайпер.

– А ты тут с кем? – спрашиваю я.

Кэссиди поворачивается ко мне с широкой улыбкой:

– Ты что, ревнуешь?

– Ни капельки, Кэсс, – отвечаю я и намеренно придвигаюсь поближе к Пайпер. – Я просто надеюсь, что, кто бы это ни был, он скоро придет за тобой, чтобы ты больше не отнимала у нас время.

Она сжимает свои искусственно увеличенные губы и, прищурившись, насмешливо смотрит на меня:

– Ты бы удивился, если бы узнал, что я пришла с Джонни Хенли?

⁸ Англ. *snow* – снег.

В животе у меня все переворачивается, и мне становится нехорошо. Да, он мой соперник и все такое, но это подлый удар даже для ветерана спорта.

— Ха! — фыркает Кэссиди. — Я просто пошутила. Я пришла с Энтони Муром. Он журналист. — Она указывает на мужчину в другом конце зала, который стоит среди моих товарищей по команде и что-то быстро записывает себе в блокнот. — Пригласить его к нам присоединиться?

Пайпер неловко поеживается и шепчет мне, что ей нужно в дамскую комнату. Я смотрю, как она уходит, слежу взглядом за каждым ее осторожным шагом на этих чудовищно высоких каблуках, пока она не исчезает за углом. Наконец я снова перевожу свое внимание на Кэссиди. Я должен был догадаться, что она сумеет проникнуть на это мероприятие. Она уже много раз так делала. Она как будто присматривает за мной. Не знаю точно почему. Она спит с половиной Нью-Йорка, включая, вероятно, и судью, который отказался разрешить мне проводить больше времени с дочерью. Я давно дал ей понять — еще когда она заявила ко мне беременной, — что меня в ней интересует только то, чтобы наша дочь была довольна и счастлива. До тех пор, пока она выполняет свою часть обязательств, я с радостью продолжу выплачивать ей астрономические алименты, которые она умудрилась у меня отсудить.

Узнав, что она пришла сюда с кем-то из прессы, я испытываю облегчение от того, что Пайпер не дала мне назвать ее

имя. Не знаю, что именно Кэссиди сделала бы с этой информацией, но уверен, что ничего хорошего. Подозреваю, что она не в восторге от того, что я опять начал с кем-то встречаться.

– Нет, Кэсс, не стоит приглашать его к нам, потому что нет никаких *нас*. Пожалуйста, оставь меня в покое и возвращайся к своей декоративной собачке.

Она вздергивает носик:

– Не знаю, почему ты меня так ненавидишь, Мейсон. Ты не считаешь, что нам стоит жить мирно ради Хейли?

– Насколько нашей дочери известно, мы и так живем мирно. И я не намерен этого менять. Ради нее я готов на все, даже притворяться, что мне нравится ее мать.

Я отхожу от Кэссиди и беру у официанта два бокала шампанского:

– А теперь прошу прощения, мне надо найти... м-м-м... Сноу.

Кэссиди останавливает меня за руку, и немного шампанского проливается из бокала на пол.

– К чему это вымышленное имя? А ее волосы? Такое окрашивание вышло из моды десять лет назад. Ты что, не мог себе найти не такую уродину, мой сладкий?

Мой суровый взгляд прожигает ее руку:

– Убери руку, Кэссиди. И следи за языком. Ты и представить себе не можешь, к каким юристам у меня есть доступ. Запомни, как только я решу с тобой судиться, ты об этом

пожалеешь.

– Ты что, мне угрожаешь, Мейсон? Ты правда думаешь, что судья отдаст тебе Хейли? – смеется она. – Тебе? Псевдофутболисту, которого по полгода нет дома?

Кэссиди ударила по больному. Именно поэтому я и не судился за родительские права. Хейли нужна структура и стабильность. Ей нужен полноценный родитель, который не находится в разъездах почти все время с августа по январь. И даже несмотря на то что Кэссиди – сертифицированная шлюха, я не могу не признать, что она неплохая мать.

Я замечаю, что из-за угла появилась Пайпер, и вырываюсь из захвата Кэссиди.

– Пока, Кэсс.

Я иду навстречу к Пайпер через просторный зал. Передаю ей бокал шампанского. Она берет его и с прискорбием разглядывает:

– Я думала, мы не пьем, – говорит она.

– Мы и не пьем. Но один бокал нам не повредит, верно?

Я тянусь к ней своим бокалом.

Дрожащей рукой она хочет чокнуться со мной, но прикладывает слишком большое усилие – и осколки обоих бокалов летят на блестящий мраморный пол. Пайпер делает долгий, полный сожаления вздох и извиняется:

– Прости, иногда я ужасно неуклюжая.

Я ботинком отодвигаю осколки стекла в сторону, а два официанта уже спешат со щеткой и шваброй, чтобы все

убрать.

Сзади кто-то тихонько шепчет мне в ухо:

– Я же говорила – уродина. Она хоть к лотку-то приучена, Мейсон?

Я поворачиваюсь и бросаю на Кэссиди убийственный взгляд, но она лишь пожимает плечами и идет дальше.

– Все в порядке, Пайпер. Никто не пострадал.

Я показываю ей свои руки. Хорошо, что осколки не поцарапали мою бросающую руку.

– Покажи руки, ты не порезалась?

Пайпер приподнимает руки, и я их осматриваю, пораженный теплыми искрами, возникающими между нами во время этого прикосновения. Я поднимаю глаза и вижу, что она наблюдает за тем, как я осматриваю ее руки. У нее перехватило дыхание. На нее это действует так же сильно, как и на меня. Но по какой-то причине она изо всех сил пытается это скрыть.

– Пожалуй, мне все же нужно выпить, – произносит она, отдергивая руку.

Глава 9. Пайпер

Мейсон пытается поймать официанта, но я не жду, пока ему это удастся.

– Не нужно, я сама возьму в баре. Сейчас вернусь.

Мейсон не успевает последовать за мной, потому что его ловит кто-то важный. Кто-то, кто выглядит как потомственный богач. Кто-то, кто таскает за собой топ-модель.

Я сосредотачиваю свое внимание на барной стойке и прохожу мимо официантов, предлагающих шампанское. Я ругаю себя за то, что позволила Мейсону и Скайлар уговорить меня сюда прийти. А встреча с его бывшей? Это была просто пытка! Я снова забыла, что у него вообще есть ребенок. Как я могла позволить себе завести отношения с кем-то вроде него? *Нет, не завести отношения – просто оказать ему услугу*, убеждаю я саму себя.

В эту минуту я нахожусь настолько далеко от своей зоны комфорта, что любой пустяк может выбить меня из колеи. Я раздумываю, не смыться ли отсюда через боковой выход. Тогда я могла бы сбросить эти туфли на десятисантиметровых каблуках, переобуться в уютные кроссовки и вернуться в ту зону, где нет ничего, кроме меня и моего дыхания. Но у меня просыпается совесть, и я клянусь выдержать это ради Скайлар. И может быть, немножко ради себя.

Мейсон сказал, что это займет всего пару часов. Я смотрю

на большие часы, висящие на стене, – значит, осталось всего полтора часа. Мейсон Лоуренс, может, и неисправимый квотербек, но он кажется искренним. Он подтверждает все то хорошее, что я про него слышала. А то, что ему понравилось, как я отделала его бывшую, – это лишь дополнительный бонус.

Я стою у барной стойки за спинами двух очень крупных мужчин, которые, кажется, больше увлечены своей беседой, чем тем, чтобы сделать заказ. Им, наверное, пришлось сшить смокинги на заказ, чтобы они налезли на их накачанные тела. Один из них афроамериканец, у него длинные дреды, спадающие ниже его широких плеч. Второй почти лысый, на шее у него вытатуированы цифры «88» и логотип «Нью-Йорк Джайентс» поверх них. Они что, никогда не переходят из клуба в клуб? А вдруг у них поменяется номер? Я помню, как больно было делать татуировку, и задумываюсь о том, насколько сложно от нее будет избавиться.

– Ей нравится твоя татуировка, Сондерс, – произносит низкий, грубый голос, как у Дарта Вейдера.

Парень с татуировкой оборачивается и одаривает меня широчайшей улыбкой.

– Ну и кто это тут у нас? – Он плотоядно разглядывает мое платье. – Кажется, я тебя тут раньше не видел. Ты чья?

Я открываю рот от изумления:

– Я ничья.

Я стараюсь казаться выше ростом. Совершенно бесполез-

ная попытка, учитывая, что эти парни выше меня сантиметров на тридцать, даже несмотря на мои десятисантиметровые каблук.

– Вместо того чтобы просто стоять тут, может, дадите мне пройти и заказать себе выпить?

– Что бы ты хотела? – спрашивает парень с дредами. – Заказывай что хочешь, я угощаю.

Я крепко сжимаю в руках сумочку, думая о том, что в кошельке у меня пусто. Я думала, что на таких мероприятиях напитки бесплатные. Внезапно на моей верхней губе проступает пот, и я испытываю клаустрофобию от того, что надо мной нависают эти гиганты. Тревога поднимается во мне, как медленная волна, которая набирает силу, прежде чем превратиться в цунами. Я оборачиваюсь и замечаю, как многолюдно здесь стало всего за несколько минут. Люди так и кишат, все знакомятся друг с другом и ведут бесцельные светские беседы. Я скольжу взглядом по лицам, надеясь, что никого не узнаю, и молясь, чтобы никто не узнал меня.

Я лихорадочно оглядываю зал в поисках Мейсона. Когда я нахожу его взглядом, он смотрит прямо на меня. Заметив мое состояние, он приходит в ужас и быстро отделяется от топ-модели, которая пытается на нем повиснуть. Он спешит ко мне по блестящему мраморному полу, его длинные ноги преодолевают это расстояние всего за несколько шагов.

– Расслабься, милая, – произносит за моей спиной голос парня с татуировкой, а его рука крепко хватается меня за та-

лию. — Он пошутил. Напитки бесплатные. — Он проводит рукой по моей груди.

От этого непристойного прикосновения все мое тело напрягается. Желчь поднимается у меня в горле, а колени вот-вот дрогнут. Но прежде чем паника охватит меня целиком, Мейсон оказывается рядом, проводит рукой по моей спине и в то же время отталкивает Номер 88 — хотя тот чуть не на полцентнера тяжелее, чем Мейсон.

— Отвали, Сондерс, — произносит он. — Иди поищи кого-нибудь другого, кто отошьет твою рожу.

Мои легкие наконец-то наполняются кислородом, а по телу проходит волна облегчения. Я чувствую сильную руку Мейсона на своем теле, и это удерживает меня от срыва. Но что совершенно сбивает меня с толку, так это то, что вместо того чтобы привести меня к полному краху, его прикосновение меня исцеляет. Оно безопасно. Даже приятно.

Двое крепких парней уходят, бормоча свои извинения, а я молюсь, чтобы пол подо мной разверзся и поглотил меня целиком. Я молюсь, чтобы все присутствующие здесь не заметили мою молчаливую истерику.

Мейсон осторожно отводит меня в уединенный уголок зала. На его лице написано беспокойство.

— Боже, Пайпер, ты в порядке? Что они тебе сказали?

— Ничего, — качаю головой я. — Ничего страшного не случилось. Они просто проявили дружелюбие. Прости. Надеюсь, я не испортила тебе весь вечер.

Я переступаю с ноги на ногу – ноги ужасно болят в этих вычурных туфлях.

– Не испортила *мне* весь вечер? – переспрашивает Мейсон. – Это просто невозможно. Кроме того, это ведь я тебя сюда притащил. Не надо было тебя отпускать. Это я должен извиняться. Клянусь, что больше не отойду от тебя ни на шаг. Со мной ты будешь в безопасности.

– В безопасности? Ты правда считаешь, что мне нужно, чтобы ты меня защищал? – язвительно произношу я и тут же морщусь от выбранного мной тона, ведь Мейсон был исключительно добр ко мне сегодня.

По его лицу пробегает разочарование, и я еще больше сожалею о сказанных резких словах. Но Мейсон обращает все в шутку:

– Я видел, как ты боксируешь, Пайпер. Уверен, что ты вполне можешь сама о себе позаботиться.

– Ты видел, как я боксирую?

Не помню, чтобы я видела его в зале, кроме того раза в самый первый день.

Он выглядит слегка смущенным, и для такого крупного парня это весьма забавно.

– Да, я пару раз наблюдал за тобой.

От этого заявления меня бросает в жар. Мое первое желание – сказать ему, чтобы он больше никогда этого не делал. Чтобы «отвалил», как он сказал тем парням. Но то, что я сейчас чувствую, – зная, что он заметил мой прогресс,

зная, что он считает, что я могу о себе позаботиться, хотя это очень далеко от правды – это странная, но успокаивающая связь, которую до этого я ощущала только с одним человеком в этом мире. С человеком, которого я оставила в Барселоне.

Не успев обдумать свои слова, я открываю ящик Пандоры:

– Зачем ты за мной наблюдал?

– А ты как думаешь, Пайпер? – Мейсон склоняет голову набок и приподнимает одну бровь.

Я сама на это напросилась. Бросилась в омут очертя голову. У меня нет никаких оправданий, чтобы так его провоцировать. Я видела знаки, которые он мне посылал. Я чувствовала это в его прикосновениях. Но он не понимает, что этого никогда не может произойти.

– Э-э-э... Не могу... м-м-м... думаю, мне все же надо выпить.

Мейсон с болью смотрит на меня, потом берет два бокала шампанского с подноса у проходящего мимо официанта.

Он хочет передать мне один из бокалов, но я отмахиваюсь:

– Мне нужно что-нибудь покрепче.

– Ты уже знаешь, где находится бар, – произносит он, ставя нетронутые бокалы на ближайший столик. – Веди.

Мы подходим к толпе возле барной стойки и пробираемся через нее, потом наблюдаем, как бармен готовит для нас пару бокалов виски с колой. Я наслаждаюсь первым обжигающим

глотком алкоголя – я не пила уже три недели. Потом смотрю в другой конец зала и замечаю топ-модель, с которой Мейсон беседовал раньше. Ту, которая, кажется, была не прочь с ним сблизиться.

– А кто вон та женщина? – киваю я на нее.

– Ее зовут Дженис Грейсон. Она дочь владельца команды. Мейсон указывает на холеного пожилого мужчину по правую руку от нее.

– Мужчина рядом с ней – ее отец. Он наш начальник.

– Ты же сказал, что это скромный благотворительный вечер.

Я снова переминаюсь с ноги на ногу, ноги у меня уже гудят.

– Почему же владелец «Нью-Йорк Джайентс» сюда пришел?

– Вечеринку организовала Дженис. Не говоря уже о том, что эта тема ей очень близка, потому что ее саму удочерили. Так что вполне логично, что ее отец сюда пришел.

Мейсон легонько пихает меня локтем в бок и добавляет:

– К тому же, я думаю, он пытается меня с ней свести.

В животе у меня все сжимается, а изнутри поднимается легкая дурнота, напоминающая о том, что там совершенно пусто, потому что я слишком волновалась, чтобы поесть. Я залпом допиваю остаток виски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.